

Когда осыпается яблонев цвет

Автор:

Лариса Райт

Когда осыпается яблонев цвет

Лариса Райт

Она ненавидела любовь. И было за что: от этого чувства одни беды, а пользы ни на грош. Некогда Марта и так совершила ошибку, подпустив слишком близко двух человек, мужчину и женщину, сыгравших в ее судьбе роковую роль. Теперь девушка хотела быть сильной, но ветер перемен сорвал с ее души все покровы, и они облетели, как яблонев цвет, оставив Марту беззащитной – прежде всего перед собой.

Лариса Райт

Когда осыпается яблонев цвет

Любимому мужу и нашему детству.

Лариса Райт

Да, прощание всегда тяжело, но возвращение иной раз еще тяжелее.

Эрих Мария Ремарк

Женщина, сидевшая за инструментом, походила на призрак со старой черно-белой фотографии. Длинное, белое, немного тесноватое в груди платье спускалось к педалям фортепиано красивыми складками. Короткие рукава-колокольчики плотно охватывали чуть полноватую руку. Запястья у исполнительницы, напротив, были настолько узкие, что не возникало вопроса, почему, в отличие от остальных присутствующих в комнате дам, музыкантша ничем не украсила свои дивные руки. Любое кольцо, любой браслет выглядели бы варварски массивными на этих изящных руках с тонкими длинными пальцами. Черные, цвета воронова крыла, кокетливо убранные за уши локоны тихонько покачивались в такт исполняемой мелодии, и это было единственное видимое движение. Все остальные детали образа оставались статичными и оттого даже чрезмерно выразительными. Глаза женщины были прикрыты опушкой черных густых ресниц, губы, такие же тонкие и изящные, как запястья, изгибались в загадочной, одной ей понятной улыбке. Спина, по которой от талии до стоечки кружевного воротничка струился ряд очаровательных, обтянутых тончайшим гипюром пуговиц, была неестественно прямой: такая спина бывает либо у балерин, либо у профессиональных пианистов. Из-под платья выглядывал поставленный на педаль инструмента мысок лаковой лодочки телесного цвета. Каблука не было видно, но Марта почему-то не сомневалась в том, что туфли на каблуках. И каблук совершенно необходим, он служил опорой для ноги, чтобы она в нужный момент легко опиралась на педаль и заставляла инструмент звучать протяжней и надрывней. Музыки Марта не слышала, никогда не слышала, как ни старалась, но почему-то не было у нее ни доли сомнения в том, что исполняемая мелодия была пронзительно-грустной. Уж слишком сосредоточенными и даже немного хмурыми выглядели лица других людей, присутствовавших в комнате. Все они в воображении Марты слились в очарованную музыкой массу, которую плохо видно на снимке не из-за неискусственности фотографа, а лишь из-за того, что по сравнению с первым планом – пианисткой за роялем – все, что на втором и последующих, лишено какой-то особой значительности.

Но хлопала дверь (ее Марта никогда не видела, но всегда отчетливо слышала сначала резкий скрип, а потом такой же резкий и громкий хлопок), и картинка ее сна оживала. В комнате появлялась маленькая девочка и своим появлением заставляла всех присутствующих на снимке преображаться. Люди мгновенно переставали казаться массой, а становились личностями, непохожими друг на друга. Картинка обретала краски и движение. В отличие от пианистки, все остальные обитатели помещения отнюдь не походили на пришельцев из далекого прошлого. Прошлое, конечно, сквозило и в нарядах – батники, водолазки и расклешенные брюки свидетельствовали о принадлежности к эпохе

безудержных семидесятых, а не к лирике Серебряного века; и в прическах: волосы многих женщин, казалось, были лишены какой-либо укладки, хотя Марта в этой легкой небрежности струящихся по плечам распущенных волос без труда угадывала отнюдь не пятиминутное стояние у зеркала и пару взмахов щетки, а тщательное и кропотливое воплощение задуманного в жизнь. Волосы мужчин были той самой длины, которая отражает увлеченность человека рок-н-роллом и модным движением хиппи. Сидящая за роялем женщина теперь казалась абсолютным и даже нелепым диссонансом со всем происходящим в комнате, но ее это нимало не трогало. После хлопка двери она прекращала играть, вскакивала с табурета и раскидывала руки, призывно восклицая:

– Беги скорее!

Через полсекунды воображение Марты заботливо рисовало ту, к кому были обращены эти слова. Маленькая девочка впрыгивала в распахнутые объятия буквально из ниоткуда, крепко обвивала руками стойку кружевного воротника и пухлыми ручонками принималась ворошить черные благородные локоны.

– Ну-ну, – женщина, смеясь, высвобождалась из объятий, – тише, тише. Нагулялась? – Она устремляла свой взор куда-то за спину девочки, к кому-то невидимому. Судя по облику женщины и самой девочки (светлое пышное платье, торчащие из-под него кружевные панталоны, аккуратные белые туфельки с бантиками и такой же аккуратный атласный бант в волосах), этим невидимым, но явно присутствующим человеком должна была быть строгая гувернантка-француженка или в крайнем случае англичанка. Но поведение остальных людей (искренние улыбки, приветственные взмахи, чей-то веселый выкрик: «Здрате, Галиниванна!») заставляло Марту думать, что за спиной малышки стояла ее бабушка. Хотя никаких других доказательств этому не было. Про «Галиниванну» сразу же забывали, окружали девочку плотным кольцом, засыпали вопросами:

– Как жизнь, молодежь?

– Где пропадала?

– А кавалер тебе не нужен?

– Торт будешь?

Девочка вертела головой и, ничего никому не отвечая, только заразительно смеялась. Смеялась и музыкантша, но неожиданно смех обрывала и спрашивала серьезно, почти строго:

– Споешь?

Малышка кивала, морщила лобик, и вид ее делался серьезным и сосредоточенным. Она вставала спиной к роялю и лицом к собравшимся, которые тут же в сознании Марты будто отлетали на задний план и снова превращались в безликую серую массу. Теперь воображение рисовало только двоих: женщину и девочку. Был еще рояль – старый, но крепкий, связывавший мощной невидимой нитью ту, что играла, и ту, что пела под аккомпанемент. Проснувшись, Марта никогда не могла вспомнить ни слов, ни мелодии, хотя была уверена, что слышала и то, и другое неоднократно. Но память играла с ней злую шутку, не давая узнать все до конца. Хотя, может быть, наоборот, берегла... Четко Марта помнила только видения. Женщина за роялем одобрительно улыбалась и даже хвалила маленькую исполнительницу. У певицы малышки, которой на вид было года четыре, не больше, были светлые вьющиеся волосы, пухлые розовые щечки, да и вся фигурка не отличалась детской subtilностью. На лице девочки сияла совершенно беззаботная, искренняя, добрая улыбка. И худая как жердь, хитрая и расчетливая темноволосая Марта никак не могла понять, откуда взялась в ней уверенность в том, что это милое, наивное маленькое существо – она и никто другой. Но уверенность эта крепла с каждым очередным повторением сна, как крепло и осознание того, что красавица аккомпаниатор была ее матерью. Но куда же исчезла из ее жизни эта очаровательная женщина, да и все остальные присутствовавшие в комнате люди (бабушка-гувернантка, цветастые платья теплых оттенков, брюки клеш и внимательные взгляды), – об этом Марта не имела ни малейшего представления. А представить хотелось. Хотелось до того сильно, что каждый раз, когда реальность выхватывала ее из чарующего сна, Марта чувствовала тяжесть в груди и слышала звуки своего тяжелого, напряженного дыхания.

– Так хорошо дышится, правда? Ты из-за этого так пыхтишь? Хочешь набрать в легкие все Средиземное море?

Марта, все еще очарованная вновь посетившим ее видением, наконец разлепила веки, задумчиво посмотрела в пенящиеся детским восторгом глаза приятельницы и ничего не ответила. А что тут ответишь? Дышать уж точно было бы легче, если бы вокруг не галдели на разных языках маленькие дети, не

кричали бы на них родители, не играла бы в баскетбол молодежь, громко хихикая и рискуя поставить синяк тому, кто не сумеет вовремя увернуться от мяча, не тянул бы из динамиков бара свою вечную «Only you» Элвис Пресли и не задавала бы своих восторженных вопросов глупая, наивная Ниночка.

– Кофейку? – Приятельница сделала выразительный жест в сторону бара.

Марта мотнула головой и перевернулась в шезлонге, лениво прикрыв глаза.

– А я выпью. Кофе тут, конечно, бурда, ты права, но со льдом вполне сносно.

Марта пробурчала нечто невыразительное, что могло означать как недовольство, так и согласие. На самом деле она хотела сказать только одно: «Иди, ради бога, и побыстрее». Ниночка торопливостью не отличалась: долго копалась в сумочке в поисках мелочи, еще дольше завязывала парео и надевала шляпку, пытаясь удостовериться в собственной неотразимости, разглядывала свое отражение в солнечных очках. Потом, удовлетворенно кивнув и улыбнувшись, всунула ножки с напедикюренными пальчиками в сандалии, больше подходящие для вечернего выхода в ресторан, чем для прогулок по пляжу, и наконец удалилась – естественно, вовсе не для того, чтобы получать удовольствие от сомнительного напитка, гордо именуемого барменом айс-кофе, а исключительно из желания лишний раз поболтать с барменом. И конечно же, чтобы убедиться не в своем, по словам Ниночки, «великолепном», а по мнению Марты, «том еще» английском, а в силе своих все еще волшебных женских чар.

«Дура», – привычно подумала Марта о Ниночке. Ей самой внимание беззаботного юнца, мешающего коктейли, было бы скорее неприятным, чем лестным. Марта любила Голсуорси и основной грешок Форсайтов считала безусловным достоинством. А Ниночка что? С жиру бесится, да и только. Живет у мужа как у Христа за пазухой и продолжает с противной постоянностью жаловаться на скучную жизнь. Супруг, видите ли, пропадает на работе, а ей – Ниночке – и заняться нечем. Какая радость от всех этих шуб и бриллиантов, если их и выгулять некуда? Приличной женщине одной заявляться в общество совсем негоже, а муж все зарабатывает и зарабатывает, чтобы купить ей очередную обновку, которая будет пылиться в шкафу или в сейфе, а сама Ниночка будет пылиться на диване или в лучшем случае, как сейчас, лежать в шезлонге и мучиться от невозможности принять правильное решение: что сделать в первую очередь – еще раз искупаться или выпить кофейку.

На этот раз кофеек победил. Ниночка уже плавно поднималась по ступенькам, ведущим к бару, и Марта отвела взгляд от подруги. Она и так знала, что последует за этим: взмах руки, призывный грудной смех, слегка небрежное «Хэлло!» и необременительная болтовня о чудесной погоде и не менее чудесных прелестях Ниночки. Насытившись комплиментами, приятельница вернется и примется рассказывать о том, что в ее несчастной и жутко тяжелой жизни нет никаких радостей, кроме невинного флирта на пляже. Марта догадывалась о том, что отнюдь не все Ниночкины флирты были столь же невинны, но на самом деле не хотела ничего знать ни о степени их невинности, ни о них самих. Вся эта глупая болтовня ее нестерпимо раздражала. Будь у Марты Ниночкины возможности, она бы не теряла времени даром: она бы сразу бросила ненавистный салон и взяла бы от жизни максимум, о котором мечтала. Во-первых, она махнула бы наконец не на скучное Средиземное море, а на океан. И обязательно на острова, и чтобы белый песок, и прозрачная вода, и скаты, снующие под ногами. Ей рассказывали о том, что сказочное море в Египте. И она верила и собиралась, но пока собиралась, сначала всех потрянуло объявлением о кровожадных акулах, а потом оказалось, что кровожадными в стране пирамид являются не только акулы, но и политики. Так что теперь Марта грезила об океане и, намазывая горячим воском ноги клиенток, иногда непростительно задумывалась и обжигала чьи-нибудь загорелые икры, и торопливо извинялась, и выслушивала замечания с выражением крайнего огорчения на лице, хотя огорчена была вовсе не своей оплошностью, а тем, что на песках Сейшел, или Мальдив, или, на худой конец, Кариб лежали эти самые икры, а не ее – Мартины. В общем, она бы махнула на острова, и без разницы, с мужем или без. А там уж точно не стала бы тратить время на никчемное кокетство, а занялась бы делом: оплатила бы инструктора, облачилась бы в гидрокостюм, нацепила бы акваланг и вниз-вниз-вниз к красотам природы. А мужу выслала бы фотографии своих подводных походов, а он бы гордился тем, какая она у него бесстрашная и решительная, и с восхищением рассказывал бы о ней своим друзьям, супруги которых лузгают на диване семечки, перемещаясь с него только на дорожку тренажера и в бассейн, и сетуют на то, что им нечем заняться.

Нанырвавшись вволю, она вернулась бы домой и сразу же записалась бы на курсы дизайна. И узнала бы, как профессионально ухаживать и за домом, и за садом. Конечно, домработницы, повара, садовники – люди ценные, но как им объяснить, чего ты хочешь, если не имеешь понятия, о чем говоришь? Разве можно заказать утку под соусом бешамель, если незнаком с ингредиентами соуса? Или попросить посадить в углу лужайки примулу, если не знаешь, как она выглядит и на какой почве растет? И потом, нужно уметь давать отпор всем хваленым дизайнерам (и ландшафтным, и тем, что по интерьеру), которые приезжают, с

умным видом талдычат о мировых тенденциях и уверяют в том, что голубые ели в тысячу раз лучше боярышника, а потом сдирают за эту голубизну баснословные суммы, наживаясь на наивности своих клиентов. Нет, с Мартой этот номер не пройдет никогда. Уж слишком хорошо знала она цену деньгам, чтобы позволить обводить себя вокруг пальца и платить втридорога ни за что. Она сумеет и приструнить, и одернуть, и продемонстрировать свою осведомленность. Конечно, хваленые дизайнеры в восторг не придут, но уважают, уж это точно. А если люди друг друга уважают, то и дела совместные у них спорятся. В общем, из особняка мужа она бы сделала не просто сказку, как у всех, а понятную ей сказку, и водила бы по этой сказке настоящие экскурсии, называя каждое растение, а не так чтобы: «Здесь у нас восхитительное деревце... Ах, не помню названия! Тут очаровательные кустики каких-то заморских ягод (очень дорогие и, возможно, несъедобные, точно не знаю, так что лучше не пробуйте). А какие густые шапки у этих цветов! Надо будет непременно спросить у садовника, что это за прелесть». И конечно, тут же забыть и о садовнике, и о прелести, переведя взгляд на что-то очередное восхитительное, очаровательное и замечательное.

Когда будет покончено с домом и садом, а покончено, конечно, будет не скоро: большому хозяйству – большие усилия, Марта отправится на курсы сомелье. Нет, она не собирается работать в ресторанах, она просто любит вина. Любит, но совершенно не разбирается. А так бы хотелось различать не просто плохое – хорошее, сухое – сладкое, или терпкое – кислое, или ароматное – пряное, а так, чтобы и сорт винограда, и страну, и год, и даже провинцию. А если бы у ее мужа, как у Ниночкиного, был бы дом на Средиземноморье, Марта, возможно, уговорила бы его приобрести виноградник и вырастила бы какой-нибудь новый сорт. Нет, не на продажу, а так, несколько бутылочек для друзей. Для тех самых, жены которых чахнут от скуки. Хотя кто знает? Если вино окажется хорошим, почему бы и не попробовать организовать бизнес? Дело должно оказаться выгодным, любовь к хорошему вину вряд ли когда-нибудь отменят.

А если с виноградником не выйдет, то можно записаться в художественную школу. Да, в средиземноморском домике очень органично смотрятся незатейливые акварельки. В Ниночкином вот висят постеры, это как-то холодновато. Хочется тепла, солнца и простоты. Так что Ван Гог и Пикассо тут неуместны. Они под надежным стеклом в недрах московской квартиры, а в южном домике должны быть легкость и незатейливость. Не дешевка и не безвкусица, а именно простота. А что может быть лучше хозяйских акварелей? Марта нарисовала бы цветы, и кораблик, и такой же, как у Ниночки, притулившийся на скале домик. Не написала бы, а именно нарисовала. Ей бы

рисовать научиться. Пока что в ее активе только новогодняя елка (видимо, этот навык ей все-таки привили когда-то в детстве) и еще слон (вид сзади). Слона она подсмотрела лет двадцать назад у одной девчонки в общежитии консерватории. Та писала длинные письма огромному количеству людей: родителям, братьям-сестрам, подругам, молодому человеку, и в конце каждого письма рисовала незатейливого слоника. Для родителей хобот слоника держал цветочки, для других родственников конфетки, для подруг какие-то бусики, а для бойфренда, конечно, пронзенное стрелой сердце. Слоник Марте нравился, и однажды она попросила:

- Научи меня рисовать слона.

- Слона? Ой, а я только такого умею, - расстроилась соседка.

- Такого и научи.

Научилась Марта быстро, буквально в полсекунды. Поэтому и считала, что способна научиться многому. Не так чтобы писать картины, а так чтобы рисовать цветочки, кораблики, домики и прочую приятную для глаз ерунду.

А если не получилось бы с рисованием, тогда непременно вышло бы с украшениями. Их и не надо было учиться делать, она уже умела. Только времени на увлечение не было, а тут появилось бы. Конечно, вместе со временем появились бы и цацки, и вовсе не те, о которых сейчас размышляла Марта, а самые настоящие - драгоценные, из тех, что тоже в сейфе под замком, и некуда, и не с кем их выгуливать. А и зачем они нужны, если надеть нельзя? Куда лучше такие, в которых, как говорится, и в пир, и в мир, и в добрые люди. Подобные бусики, браслетки, колечки Марта любила. Бижутерия была ее настоящей страстью. Вот только красивая бижутерия стоила не копейки, а лишних денег у Марты отродясь не водилось. Украшения Марта делала сама: брала бусины, нанизывала на леску и вешала на шею и запястья яркие, разноцветные ряды. Это было быстро и просто, а на настоящее искусство (так чтобы с дизайном, с выдумкой, с тщательностью) у нее просто не хватало времени. Как-то проговорилась одной клиентке, похвалившей ее браслеты, что сама их делает, так та сразу же пообещала ей целую кучу покупательниц. Марта все выходные потратила на работу: ездила за материалом, составляла узор, все пальцы исколола леской в мечтах о баснословной прибыли и новых заказах, но мечты, как водится, остались мечтами. Нет, ее труд оценили, ей даже поаплодировали, наговорили кучу приятностей и кое-что действительно купили. Но «кое-что»

погоды не делает и, уж конечно, не кормит, а Марта хотела кушать. И не просто хлеб, а так чтобы с маслом, а по праздникам желательнее и с икрой. И не просто дома под телевизор, а в хорошем ресторане и под приятную музыку. А для этого мало было работать, надо было зарабатывать. Вот и получалось, что принимать дома клиенток в свои законные от салона выходные было делом гораздо более прибыльным, чем изготовление украшений. Но вот если бы получилось стать Ниночкой (естественно, в переносном смысле, боже упаси в прямом!), Марта мгновенно послала бы куда подальше и салон, и клиенток с их загорелыми икрами, и даже свое личное домашнее кресло, на которое копила не один месяц, дабы те, кто пришел на дом, оказались в таких же комфортных условиях, как и в салоне. А когда послала бы, смогла бы заниматься тем, что по душе, а не по возможностям. И материал бы покупала побогаче и поинтереснее, и дизайн бы придумывала пооригинальнее, и, главное, времени бы не жалела на воплощение задуманного в жизнь. А потом ходила бы в своих украшалках и не слушала бы, о чем шепчутся за ее спиной всякие Ниночки.

- Что это на ней такое странное?

- Дешевизна нынче в моде?

- Он ей что, брюлики не покупает?

Бриллианты и изумруды он, наверное, покупал бы, скупой мужчина – не Мартин мужчина, но носить все это роскошество ежедневно? И куда? На дайвинг? Или на курсы сомелье? А может быть, в художественную школу? О, там наверняка ей быстро укажут на отсутствие вкуса, а заодно и похоронят навсегда мечту об акварелях. И потом, бижутерия действительно в моде, а все остальное, особенно на летнем курорте, – лишний китч и признак дурного тона. А Марта с удовольствием носила бы свои изделия и дарила бы их Ниночкам, а те надевали бы и делились бы с мужьями пренебрежительно:

- Представляешь, Марта сама это сделала.

- Сама? – звучало бы в ответ, и читали бы Ниночки в этом вопросе целую гамму эмоций – от простого удивления до истинного уважения и даже восхищения.

Но для этого еще надо оказаться на Ниночкином месте. А пока Марта все еще на своем и, как ни старается, не может отплыть в сторону ни на полметра. За буйки

вот плавают под справедливые замечания подруги о том, что однажды ее переедет скутер, или катер, или (ха-ха) неизвестно откуда взявшаяся акула съест и не поперхнется, а от места своего насиженного оторваться боится, потому что не верит, что выплывет, чувствует, что утонет, а беспомощно барахтаться в бездне и просить о помощи Марте не свойственно. Не позволяет дух все тех же Форсайтов.

В общем, занятий на свете великое множество. Выбери не хочу. И кстати, отчего, собственно, удачное в финансовом отношении замужество должно ставить крест на том, чем женщина занималась до брака? Марта, например, любит свою работу. Конечно, жалуется. Конечно, ноет. А кто не ноет? Отдыхать все лучше, чем трудиться в поте лица. Но как бы то ни было, профессия косметолога очень даже неплоха во всех отношениях. Бывает, спина или ноги болят, если попадается несколько подряд процедур, во время которых не присядешь. Но все же с нагрузкой парикмахера не сравнить. Все-таки мастер-косметолог не так устает: ни тебе бесконечной беготни вокруг кресла, ни сгорбленной спины, затекшей шеи и пыли в носу от постоянной полировки ногтей, как у специалистов по маникюру. Кроме того, профессиональные знания и навыки в косметологии дают определенные преимущества, и преимущества весьма приятные. Разве плохо выглядеть лет на пять моложе своего возраста, а если не моложе, то по крайней мере соответственно? Марте, например, больше тридцати пяти никто не дает, а ей уже сорок в этом году стукнет. Бывает, она и перенапрягается, и не высыпается, но владение милыми женскому сердцу секретами позволяет убрать с лица, если не все, то самые явные следы усталости. А убирать эти следы с чужих лиц, между прочим, не менее приятно. Марта всегда довольна, когда видит результаты своего труда. Знает, что было «до», и гордится тем, что получилось «после». Как говорится, почувствуйте разницу. Точнее, посмотрите на нее в зеркало. Так что делать женщин моложе и счастливее очень даже приятно. И почему же надо отказывать себе в этом удовольствии только из-за того, что тебе больше не придется задумываться о куске хлеба? И потом, никогда не надо терять голову. Муж, конечно, величина хорошая, но не всегда постоянная. Все может случиться и с ним самим, и с его финансами, ну а если даже с ними обоими все будет прекрасно, никто не застрахован от того, что когда-нибудь они весело помашут тебе ручкой и шаркнут ножкой. Можно, конечно, рассчитывать на миллионы, положенные тебе по брачному контракту, но как часто, увы, в таких случаях оказывается, что твой избранник юридически гол как сокол, а все, что у него есть, записано на маму, сестру, двоюродного дядю или внучатого племянника – на кого угодно, только не на него самого. И выплывай, дорогая, как знаешь. Никто не пожалеет, никто руки не протянет. И куда плыть, если за годы твоего безделья в косметологии

произошел прорыв (новые материалы, улучшенные технологии, другие методы), а ты о нем, что называется, ни сном ни духом. Наверное, имея рядом крепкое плечо и тугой кошелек, не будешь, как раньше, пахать по двенадцать часов в сутки, но немного работать для собственного удовольствия и следить за современными тенденциями очень даже станешь, если природа не обделила тебя рациональным мышлением. А у Марты с практичностью полный порядок. Так что перво-наперво она бы, пожалуй, не выпускала из поля зрения всякие новинки в области косметологии и посещала бы курсы повышения квалификации. И складывала бы дипломы в ящик. Так, на всякий случай. А уж потом дайвинг, дизайн и все остальное.

Кстати, об остальном. В конце концов, замужество, как правило, предполагает и деторождение. Но в последнее время за деторождением почему-то не всегда следует детовоспитание. Вот у Ниночки два мальчика, одному из которых еще нет и двух лет. Только сама Ниночка греется на солнышке с одиннадцати до пяти, а дети под присмотром нянь до этого времени и после. Встретиться с мамой они могут часов в восемь, когда она уже одета, накрашена и готова к выходу на ужин в ресторан, но все же еще не ушла окончательно и решила потратить пятнадцать минут на то, чтобы состроить младшему козу и отчитать старшего за порванные шортики от Гуччи. А уж после этого удалиться в какое-нибудь модное заведение, где, вяло ковыряя вилкой в тарелке с зеленым салатом (боже упаси съесть что-то более калорийное на ночь!), продолжать жаловаться на скуку и усталость от жизни.

Марта острой нехватки в сопливых носах и вонючих подгузниках, несмотря на возраст, не ощущала. Иногда, конечно, раздумывала о необходимости родить ребенка, но пока останавливалась в своих размышлениях на том, что ей и так хорошо. Видимо, необходимость в ее конкретном случае не была особенно острой. Хотя женщина и не собиралась вступать в ряды модного теперь движения child free [1 - Свободные от детей (англ.)], некоторые из аргументов поклонников этого «братства» казались ей довольно разумными. Ей нравилось чувствовать себя свободной и независимой и распоряжаться временем на свое усмотрение, нравилось ходить в кино или театр не тогда, когда удастся оторваться от семьи, а когда возникнет желание, естественно, совпадающее с возможностью (работу пока еще никто не отменял, а о движении job free Марте ничего слышать не доводилось). Ее не посещали мечты о маленьком теплом комочке, тихонько сопящем у груди, или сладко агукающем, или плачущем по ночам (нехватка сна – главный враг женской красоты, уж кому-кому, а косметологу это известно лучше, чем кому-либо другому). Но вместе с тем Марта отчего-то была уверена в том, что, случись в ее жизни подобная перемена

(счастливая или наоборот – она пока не могла решить), она бы не стала нанимать вереницу бонн и гувернанток, а постаралась бы обойтись своими силами. Возможно, пришлось бы пригласить няню, но в качестве помощницы, а не в качестве альтернативной замены матери-кукушки. Марта во всем старалась соответствовать поговорке: «Взялся за гуж...» Так что если уж рожать ребенка, то и воспитывать.

Марта снова прикрыла глаза и опять представила женщину из сна. Наверняка та была хорошей матерью, а девочку, само собой, в комнату привела бабушка. Уж бабушке-то можно доверить ребенка. Правда, у Марты такой возможности нет. Хотя у нее нет не только возможности рассчитывать на помощь бабушки. В данном случае отсутствие таковой не имеет никакого значения. Кого Марта обманывает своими рассуждениями об отсутствии желания иметь ребенка? Просто бережет себя. Не можешь получить – не мечтай. А Марта родить не может. Только ключик от страданий по этому поводу она спрятала в настолько далекий ящик собственной памяти, что открывать его не позволяла не только друзьям и знакомым, но даже самой себе.

– Кофе отвратительный! – прервала Ниночка ее размышления.

– Угу.

«Зачем же ты его пьешь каждый день? Хочешь пофлиртовать, закажи сок. Менее крутой не станешь».

– Вот зимой я была на Маврикии, там в баре делали потрясающий фраппе. Я пыталась выведать секрет, но бармен остался глух к моим просьбам.

«Наверное, и слеп он тоже остался», – Марта с тоскливой завистью покосилась на Ниночкины женственные формы, подчеркнутые тугими чашками яркого купальника.

– А вообще на Маврикии, конечно, красота. Пляжи – просто сказка, песок, представляешь...

Марта уже представляла. Она даже не просто представляла, а чувствовала, что была на Маврикии, и неоднократно. Просто эту историю, каждый раз обрастающую новыми, скорее всего, выдуманными подробностями, она слышала

в Ниночкином исполнении уже десятки раз. Сначала Ниночка выражала восторги, лежа на кушетке в салоне, пока Марта колдовала над ее лицом и телом. Тогда это было вполне оправданно: Ниночка только что вернулась из путешествия и спешила поделиться впечатлениями. Да и Марте было интересно хотя бы послушать о недостижимом. Но прошло полгода, а восторги не утихали и от этого делались просто невыносимыми. Особенно бесила Марту концовка: Ниночка томно закатывала глаза, сжимала у груди ладошки и театрально произносила:

- Ах, если бы ты только могла поехать со мной!

Марта злилась. Хотя понимала, что с Ниночкой она не поедет больше никуда и никогда (даже на пресловутый Маврикий). Да и на Кипр не стоило соглашаться, но уж слишком настойчиво приглашала Ниночка, и очень заманчивой казалась перспектива заплатить только за авиа-перелет. Вот пожалуйста: очередное подтверждение тому, что скупой платит дважды. Финансы Марта сэкономила, ничего не скажешь, но нервы все-таки дороже, терпеть глупую болтовню и такое же поведение хозяйки было просто не в состоянии. А еще больше раздражало Марту то, что она не находила в себе сил послать «эту клушу» куда подальше и хлопнуть дверью. Приходилось вежливо поддакивать, и улыбаться, и делать вид, что слушаешь. И не потому, что Марта не могла себе позволить переехать в гостиницу (уж на подобную роскошь она, слава богу, зарабатывала), а из-за того, что болтливая Ниночка непременно раззвонила бы о ее «черной неблагодарности» и администраторам салона, и, что еще хуже, руководству. И поэтому Марта терпела изо всех сил, но у всякого терпения есть границы: Марта встала с шезлонга и, не дожидаясь закатанных глаз и сложенных ладошек, прервала воркование соседки.

- Пойду поплаваю.

- Пойти с тобой? - Ниночка тут же забыла о Маврикии. - Или ты далеко?

- Далеко, далеко, - торопливо согласилась Марта, лишь бы отделаться.

Она быстро вошла в воду и поплыла, рассекая морскую гладь уверенными, мощными гребками. Через несколько минут она уже крепко обнимала красный шар буя и, щурясь, смотрела на берег. Там строили песчаные башни детишки, по кромке воды дефилировали стройные и не слишком барышни топлес, вдоль

всего пляжа пары разного пола и возраста играли пластиковыми ракетками в местную помесь тенниса и пинг-понга, стараясь не задеть никого из отдыхающих, и где-то там среди них, на первой линии, лежала в шезлонге Ниночка и бездумно листала модный журнал, как обычно скучая.

Эх, будь она на Ниночкином месте... Марта резко оттолкнулась от буя и поплыла дальше в море. Прочь, прочь лживые мысли. Не стала бы она заниматься ни дайвингом, ни дизайном, ни виноградниками. И детей рожать, если бы, конечно, могла, тоже бы не спешила. Будь у нее Ниночкины возможности, она бы использовала их по максимуму только в одной области. Она стала бы петь. Пусть в самодеятельности, пусть в караоке, пусть для себя, а не для всех – профессионально, но по-настоящему, по-взрослому. Так, чтобы ее слушали, чтобы ею восхищались, чтобы ею гордились, чтобы ее хвалили, как хвалила женщина за роялем маленькую голосистую златокудрую девочку. И не нужен ей ни Кипр, ни Маврикий, ни даже Египет. Ведь единственная страна... Да что, собственно, страна – город, о котором она мечтала и до сих пор продолжает мечтать, – Париж. И уж если перестать лукавить и обманывать саму себя, то любое парижское кабаре, хранящее дух Пиаф, Азнавура, Адамо или Гейнсбура, ценнее для Марты, чем все сокровища Лувра.

2

– Нет, это никуда не годится! Фигня какая-то, а не макет! – Егор отбросил лист и стукнул рукой по столу.

Все находившиеся в его кабинете удрученно молчали, и Егор, всматриваясь в огорченные лица, пытался понять, действительно они расстроены или просто делают вид.

Ну, Игорьку явно радоваться надо, а не плакать. Он от недовольства Егора только выиграет. Проект не его, с него и взятки гладки. Если что, все шишки на Лешку посыплются, а ему, Игорьку, возможно, дело перепоручат, и тогда он блеснет. Егор в возможности Игорька блеснуть не слишком верил, поэтому сложными проектами его и не загружал, но прекрасно понимал, что мальчишка с норовом и не без таланта, как раз из тех лейтенантов, что мечтают стать генералами. Но ничего. Пусть посидит на подхвате, опыта наберется, а там уж

ему цены не будет. Переманить, конечно, могут, пока Егор медлит, но кто не рискует... Нет, расстройство Игорька точно фальшивое, да и в глазах вместо смятения игривые бесенята.

Теперь Людочка. Ну тут все понятно. Она уж точно раздумывает не о том, как исправить ошибки в работе, а о том, как провести время после. Егор буквально видел, как в ее симпатичной головке крутятся мысли: «Если Егор поедет вечером ко мне, то надо раскрутить его на приличный ужин перед этим и какой-нибудь подарочек, а если к жене, то придется довольствоваться вчерашними макаронами по-флотски». Макароном она угощала Егора вчера. Аттракцион неслыханной щедрости: после всех ресторанов, цветов и коробочек с драгоценностями, полученными от Егора, девушка решила удивить его своими кулинарными способностями. И удивила же! Макароны были слипшимися, мясо пережаренным, а лук слишком крупным. Жареный лук Егор и без того терпеть не мог, а крупный, и так чтобы хрустел, казался сущей отравой, и он с трудом сдерживался, чтобы не выплюнуть всю эту адскую смесь обратно в тарелку. Нет уж, второго такого ужина он точно не перенесет, так что сегодня поедет домой на голубцы, или на вареники, или на жареную картошку с лисичками, да и с сыном пора время провести, в конце концов. Маша давно уже жалуется, что от рук отбилась, а Егор только отмахивается: «Работа». Хороша работа – с Людочкой кувыряться да отвратительные макароны жрать. В общем, с «великим специалистом в психологии» все ясно: еще пару месяцев поработает, а потом Егор сошлет ее под благовидным предлогом в какое-нибудь партнерское агентство. А ведь наверняка ему ее точно так же сосватали. Попользовались и удружили. Психолог-то она, прямо скажем, никакой, хотя вроде и с дипломом, и с опытом, и с резюме, но в желаниях публики разбирается из рук вон плохо. Если бы Егор собирался рекламировать, например, губную помаду и предложил бы задействовать в съемках верблюда, Людочка, не заморачиваясь, просто измазала бы верблюда губной помадой. А на недоуменные взгляды и ехидные вопросы ответ у нее был бы один: «А что? Прикольно!» И сколько Егор ни пытался объяснить, что не всегда то, что прикольно, правильно и хорошо, сколько ни старался внушить, что посмеяться-то посмеются, но покупать не станут, Людочка понимающе кивала, но продолжала совершать промах за промахом. Так что придется ею пожертвовать. И лучше рано, чем поздно. Успешный бизнес дороже длинных ног и упругого четвертого размера.

Вот кто действительно расстроен, так это Верочка. Ее преданность делу Егора умиляла. Ведь не ах какая должность и не бог весть какая зарплата, а главное – совершенно туманные перспективы. Сколько еще ей придется сидеть на месте ассистента? Месяц? Год? Всю жизнь? Складывалось ощущение, что она готова на

«всю жизнь», и это Егора и умиляло, и забавляло, и раздражало одновременно. Конечно, для начальника нет ничего лучше всем довольного сотрудника, занимающего свое место. Ни тебе текучки, ни тебе жалоб. И все-таки покорность судьбе у юной девушки вызывала недоумение. Вера была исполнительна, аккуратна, серьезна и ответственна, но совершенно безынициативна. Безынициативна до тошноты. Задания она выполняла четко и всегда в срок, но справлялась только с теми задачами, в которых надо было отвечать на вопрос «что?». А с вопросом «как?» девушка не справлялась. Как только ей пытались поручить что-то, не объясняя и не разжевывая схему дальнейших действий, она краснела, хмурилась, что-то лепетала и чуть не плакала от ужаса. В принципе, именно такой человек, как Вера, был в команде необходим. Тот, который просто будет выполнять, что скажут, и не лезть с дурацкими советами и предложениями. Но Егор-то знал, что среди сотни никчемных предложений обычных ассистентов всегда встречается одно дельное. Молодость, свежий взгляд и определенные амбиции могли сослужить бизнесу лучшую службу, чем предельная исполнительность в сочетании с полным нежеланием думать. Но что ж тут поделать? Если девочка не хочет прыгать выше головы, Егор не вправе настаивать, а за сочувствие ей, конечно, спасибо. Она, пожалуй, единственная из присутствующих расстроена искренне, а не напоказ.

Нет, ну еще Леха, конечно, расстроен. Его, что называется, положение обязывает. Он опростоволосился, собаки были спущены прежде всего на него, хотя пострададут наверняка все. Теперь из-за нелепо подготовленной презентации контракт, наверно, уплывет в другое агентство вместе с отменной прибылью. Прибыль, конечно, дело хорошее, упустить ее чрезвычайно жаль, но главное даже не в этом, а в том, что может пострадать репутация агентства. Шутка ли – проштрафиться перед солидной компанией. А репутацию одним контрактом не заработаешь, на нее годами пахать надо. И пахал, кстати, не Леха, а сам Егор, а Лехи теперь от его – Егорова – труда плоды пожинают. Так что Леха об имени агентства, скорее всего, даже не задумывается, зато отсутствие премии перед ним маячит горькой, удручающей усмешкой, а вместе с ним и машет ручкой намерение «скатать свою девочку на острова». Ладно, Леха, не кисни. Будешь лучше работать – скатаешь девочку, и, возможно, не одну.

Егор перевел взгляд на начальника отдела маркетинга. Петр Сергеич сидел с кислой миной и всем своим угрюмым видом демонстрировал: «Я же предупреждал!» Тут Егор вынужден был согласиться: маркетологи действительно беспокоились о судьбе проекта и говорили о необходимости работать в команде. В принципе, до сегодняшнего дня все так и было. Пиар всегда действовал в тесном контакте с маркетингом, и вместе они выдавали

прекрасные идеи и не менее прекрасные результаты, но в данном случае клиент запросил только оригинальный макет рекламного ролика без маркетинговой стратегии. Так и сказали Егору: «Сначала мы посмотрим на оригинальность мышления в вашем агентстве, а потом уже решим, стоит ли озадачивать ваш маркетинг продвижением этого мышления в массы». Егор этой мыслью загорелся, а Петр Сергеич возражал, говорил, что надо хотя бы между собой все согласовать, что маркетинг должен удостовериться в том, что пойдет, что надо рассчитать фокус группы и заняться серьезным исследованием. Но Егор не слушал. Презентации у его сотрудников всегда получались неплохие, а у Лехи и вовсе отменные. Ему казалось, волноваться не о чем. Верно говорят: «Когда кажется, креститься надо». Сейчас бы Егор перекрестился, только поезд ушел. А Петру Сергеичу что? С одной стороны, конечно, обидно, что к тебе не прислушались, а с другой – есть возможность теперь упиваться своей правотой. Так что горе главного маркетолога тоже весьма условно. Его отдел от этого не страдает и премиальных даже не лишается, а как раз наоборот – зарабатывает очки в глазах начальства своей дальновидностью и предупредительностью.

Егор, конечно, понимал, что по-хорошему обязан исполнителя (Леху) отчитать, пиарщиков в лице Людочки разнести в пух и прах, а маркетинг от души поблагодарить и признать самым действенным звеном агентства. Но Егор этого не сделал. Всем досталось на орехи, и, как обычно, после грандиозного разноса начальник чувствовал себя лучше, чем до него. Как будто вместе с криком и руганью часть обрушившихся на компанию проблем испарилась. И так Егору захотелось, чтобы проблемы эти действительно исчезли, что он перестал с грозным видом разглядывать подчиненных, а отвернулся к окну и мрачно проговорил:

– Спасибо. Все свободны.

Слушал, как за спиной задвигали стульями. Торопливо, с излишней суетой – это, конечно, Верочка. Понуро и немного озлобленно – Леха. На себя надо злиться, родной, на себя. Обстоятельно, со знанием дела, побряхтывая – главный маркетолог. Спокойно, деловито, но в то же время с едва сдерживаемой радостью – Игорек. И наконец... И... Егор прислушался. Больше ничего.

– Я же сказал – все свободны, – повторил он, делая ударение на слове «все».

– Но... – Егор мог бы поклясться, что брови Людочки недоверчиво взметнулись вверх, а ротик недоуменно округлился.

– Людмила! Мне кажется, что у пиар-отдела достаточное количество нерешенных задач, и если вы, не откладывая, займетесь их решением, я буду вам очень признателен.

Последний стул закричал резко и гневно. Этого следовало ожидать. К выходу яростно процокали высокие каблочки, и через мгновение раздался не менее яростный хлопок двери. Теперь Егор живо представил удивление сидевшей в его приемной секретарши и еще раз подумал о том, что с Людочкой пора распрощаться во всех смыслах. Она, конечно, была прекрасной любовницей, но было бы неплохо, если бы при этом у нее еще хватало мозгов не шаркать дверью кабинета начальника.

«Плону на все и поеду домой», – мелькнула в голове непривычная мысль, и будто в ответ на эту мысль в кармане тренькнул сообщением телефон. Егор взглянул на экран: писала жена. Он улыбнулся, и в душе шевельнулась запоздалым стыдом совесть. Маша – она хорошая, и милая, и добрая, и заботливая. И вообще, он ее любит. Так при чем здесь какая-то Людочка? Сообщение было лаконичным. «Купи цветы», – писала жена. «Цветы? Кому? Зачем? Мы идем в гости? Или я должен принести цветы Маше? Нет! Это бред. Про гостей она сто раз бы напомнила, а себе бы никогда не попросила». В ответ на его мучительные раздумья телефон пропищал снова. «Мишке очень идет костюм». Егор хлопнул себя по лбу и ругнулся без злобы: «Идиот!» Идиотом был он сам – идиотом, забывшим, что завтра его сын идет в первый раз в первый класс. Чем не повод плюнуть на проблемы и уйти домой? Он торопливо собрал вещи и вышел из кабинета.

– Егор Михайлович! – окликнула его секретарь, всегда готовая обрушить на него поток информации о письмах, документах и отчетах, которые нужно «подписать, просмотреть, составить, отправить, завизировать и т. д.».

– Завтра, Наташа, завтра.

– Но как же? Но почему же? – Девушка даже привстала из-за стола.

– Потому что завтра первое сентября, – ответил Егор, выбегая за порог приемной. Он торопился домой, и ему некогда было представлять, как Наташа опустится назад в свое кресло, задумчиво погрызет ручку, посмотрит на настольный календарь и скажет с грустью, будто прощаясь с уходящим летом:

– Уже первое сентября...

3

– Уже первое сентября. – Маргарита Семеновна произнесла эти слова вслух и снова почувствовала подступающее волнение, с которым предстояло справиться своими силами. Вчера она позволила себе похандрить и выпить валерьянки. Не выпила бы – так и пролежала бы всю ночь с открытыми глазами, рисуя в воображении картину встречи с новым классом. А сейчас уже нельзя приводить нервы в порядок лекарствами: перед детьми должна появиться уверенная в себе учительница, а не заторможенная вобла с дрожащими плавниками, то есть руками, конечно. Только ведь рук у воблы нет, а Маргарита Семеновна предпочитала размытым, незаконченным образам конкретику.

Она встала с кровати, передернула плечами, услышав знакомый протяжный скрип пружин, и сделала несколько махов и потягиваний, чтобы размять затекшее после тревожного сна тело. Почувствовав, как на смену вялости подползает нечто, напоминающее былую бодрость духа, она отправилась в ванную. Там, стоя под душем, она все еще пыталась осмыслить, насколько тяжелый год ее ждет впереди. Хотя какой там год? Целых семь долгих и трудных лет, и никакой возможности этого избежать. Да, именно так вчера после педсовета и сказала завуч:

– Поймите, Маргарита Семеновна, не у нас, а у вас нет другой возможности.

Она теперь понимала. В ее возрасте наличие классного руководства практически единственный весомый аргумент для администрации в бесконечном споре с окружными чиновниками от образования о том, почему школа не отправляет «вышедших в тираж» учителей на пенсию и не берет на их место молодежь. На самом деле ответы очевидны для всех нормальных людей: во-первых, опытный учитель, тем более такой, как Маргарита, – это клад для школы и для учеников, и называть ее «вышедшей в тираж» – просто кощунство. Бывают, конечно, случаи, когда человеку действительно пора на покой: начинает подводить память, или перестают слушаться ноги. Пойди постой шесть раз по сорок минут. Это и молодым нелегко, а если возраст подкрадывается, так

и подавно. Конечно, никто не запрещает сидеть, но Маргарита Семеновна, вопреки известной поговорке, была уверена в том, что в ногах как раз была та самая правда, которая позволяла ей убедительно излагать материал. Она вовсе не хотела возвышаться над учениками или показывать свое превосходство, просто стоя чувствовала себя увереннее, и эта уверенность приносила в объяснение какую-то дополнительную нотку, заставляющую детей шире открывать и уши, и рты и впитывать, и запоминать, и доверять, и сопереживать. Маргариту всегда смешило, когда иные коллеги формулировали свои требования к поведению учеников: «Дети должны меня слушать и слушаться, не шуметь, не отвлекаться, не разговаривать с соседями, не жевать жвачку, не спать». И еще куча самых разных, и в то же время совершенно одинаковых «не». Сейчас Маргарита с такими учителями не спорила, берегла нервы, если и позволяла себе вступить в дискуссию, то говорила быстро и резко и всегда одну и ту же фразу:

– Ученик на уроке должен делать только две вещи: мыслить и чувствовать.

И замолкала. На возражения не реагировала, в прения не вступала.

Дети ее любили, администрация уважала, так какого же, извините за выражение, лешего избавляться от такого преподавателя, а на его место брать пусть молодое, но совершенно неопытное и неизвестно насколько достойное шило в мешке. Да и разве стоит у порога школы очередь из «молодых и рьяных»? Пусть в Министерстве образования покажут хоть одного, который бы приходил, умолял дать ему поучить детишек, а ему отказали. Нет таких. А с новыми прекрасными законами, с милой сердцу многих чиновников реформой образования еще долго не будет. Молодежь (особенно в Москве) теперь другая: она не желает ждать, жаждет взять у жизни все и сразу. И нет в этом ничего плохого. Хочешь – иди, дерзай, борись, и пусть тебе повезет. А дерзать и бороться в современной школе могут только настоящие энтузиасты своего дела. Это немолодому учителю, прошедшему уже вместе с государством длинный путь от относительного благополучия через полную нищету опять же к этому самому весьма относительному благополучию, можно объявить о новой системе оплаты труда, о замечательной идее подушного финансирования школ, об объединении этих самых школ и сокращении штатов, о необходимости зарабатывать дополнительные баллы для повышения заработной платы, обязательная часть которой сократится, – и при этом ждать, что учитель покорно промолчит, кивнет в знак согласия и отправится в класс творить разумное и вечное. Может, и вздохнет украдкой, и посетует на несправедливость, но потом вспомнит о том,

что бывали времена и похуже, и утешит себя этой мыслью, и решит, что как-нибудь да все образуется. Проживем. Куда денемся? А молодежь хочет жить, а не проживать, и, наверное, правильно делает. Поэтому и не ломится в двери школ за тяжелой работой и невысокой зарплатой. Кто-то может позавидовать: занятость на полдня, а отпуск почти два месяца. Это те, кто незнаком с обратной стороной медали. Вторые полдня – это проверка тетрадей и подготовка презентаций, это занятия с отстающими, и составление планов, и разработка следующих уроков, и написание статей, и участие в конкурсах – работа, за которую, кстати, по головке, может, и погладят, а премию не дадут. А что касается отпуска, так нет ничего удивительного в его сроке. Да и этого времени едва хватает, чтобы избавиться от переживаний года ушедшего и подготовиться к волнениям года наступающего. Поэтому завидовать не стоит. Учительский труд не менее, а во многом и более тяжел и ответственен любого другого. Во всяком случае, Маргарита Семеновна имела все основания быть в этом уверенной. Как имела основания и предполагать, что, отдавая всю себя без остатка любимому делу, имела право рассчитывать на уважение государства, которому прослужила долгие годы верой и правдой. Ошиблась. А обнаружила это только вчера. Вчера, когда в недоумении говорила завучу:

– Не понимаю, Оля, почему я? Есть, в конце концов, и те, кто помоложе, и те, кто хочет. Ведь перед каникулами решили, что возьмет Ильина. И она мне подтвердила, что не отказывалась. А теперь смотрит на меня волком, будто я ей дорогу перешла, а я ни сном ни духом. Что произошло? Я ведь не просила, и без надбавок за руководство мне хватает. К тому же и без того две параллели – это хорошая нагрузка. А вы мне предлагаете третью, да еще и класс взять. И потом, зачем я пятиклашкам? Нет, если надо, я возьму учеников, но быть классным – это уж слишком. Они же маленькие, с ними в походы надо, на выставки, на пикник, и что им я – старая развалина?

Завуч сначала пыталась льстить. Хотя почему, собственно, льстить? К Маргарите она относилась хорошо, даже больше – сама когда-то была ее ученицей, поэтому, скорее всего, говорила то, что действительно думала.

– Не наговаривайте на себя, Маргарита Семеновна. Как будто мы не в одной школе работаем? А кто с ребятами постоянно по музеям ходит? А во Францию два года назад кто ездил?

– Это для тебя, Оленька, два года не срок, а для меня это уже целая эпоха.

– Всем бы в ваши годы так выглядеть.

Здесь лести не было. То, что Маргарита в свои шестьдесят пять смотрелась лет на десять моложе, сомнений не вызывало. Но важно ведь не только смотреться, а еще и чувствовать себя соответствующе. А здоровье в последнее время начало немного пошаливать: то там прихватит, то здесь, то давление подскочит, то суставы дадут о себе знать. Но старый вояка так просто не сдается и никогда никому не жалуется. Поэтому завуч и невдомек, насколько сильны и справедливы опасения учителя.

– Оль, – педагог перешла на доверительный тон, – я тебя по старой дружбе прошу. Ну не нужно мне это руководство. Ты же знаешь, что у меня ученики. Чего греха таить?

Завуч повела плечом и отмахнулась. Что за новость такая? Все репетиторствуют. А таким профессионалам, как Марго, просто нельзя этого не делать. Чем больше учеников она выпустит в мир – тем лучше для этого мира. Маргарита тем временем продолжала увещевать:

– Дело ведь не в деньгах, Оль. Ты ведь понимаешь: я что потеряю, то на классном руководстве получу, но людей подводить неудобно, а я и не смогу. А значит, буду лямку тянуть в три параллели, класс и «личники».

Завуч молчала.

– Оль, я просто прошу тебя, найди другой вариант, ну ради меня, пожалуйста.

Девочка (для Маргариты Семеновны все бывшие ученики независимо от возраста навсегда оставались девочками и мальчиками) посмотрела на нее с грустью и тяжело вздохнула:

– Так я ради вас и стараюсь, Маргарита Семеновна.

– То есть?

– Да реформу эту свалили на голову. Того и гляди, сократят финансирование и потребуют сокращение штатов, а классные руководители защищены больше

других. А не возьмете, тут же скажут, что у вас возраст. Кого другого тронем, начнут кляузничать и доносы писать. Меня, мол, попросили, а Черновицкая работает, несмотря на то, что по ней давно пенсия плачет. И как мне прикажете тогда оправдываться, когда на ковер позовут. Да и, честно говоря, никакого желания нет лишней раз на этом ковре стоять и чувствовать себя неизвестно в чем виноватой. Что мне, на уроки их к вам звать прикажете? Я бы позвала, только ведь не придет никто. Некогда им на людей смотреть и о людях думать. Они все больше законами и предписаниями озабочены. Так что предупреждаю вас, Маргарита Семеновна, это серьезно.

- Ну ведь предупрежден - значит, вооружен, а, Оленька? Может, как-нибудь обойдется? - Надежда все еще теплилась.

- Не обойдется, Маргарита Семеновна. Решение принято и обжалованию не подлежит. - Строгий завуч победил ученицу, хотя в конечном итоге обе составляющие принявшей решение женщины желали своему учителю только добра.

И вот теперь Маргарите предстояло это добро расхлебывать. Такого опыта приобретения класса у нее еще не было. Обычно она знала все заранее и тратила летние каникулы на тщательное изучение личностей детей, которых ей предстояло вести за собой. Рассматривала фотографии, читала их сочинения, изучала характеристики семей и старалась заранее найти правильный подход к каждому. Жизнь научила ее пониманию: плохими дети не бывают, такими их делают взрослые и окружающая среда. Так что основной задачей своего заочного знакомства с будущими воспитанниками педагог считала необходимость найти в каждом из них нечто особенно хорошее, чтобы потом это хорошее культивировать. Как правило, получалось. Хотя как у каждого хирурга есть свое кладбище, так и в практике Маргариты случались досадные промахи, о которых она старалась не вспоминать. Вот и теперь...

«Нет! Нет! Нет!» - одернула она себя и, выключив воду, не вытираясь, укуталась в махровый халат и вышла из ванной. Время думать о будущем, а вовсе не о прошлом. Этим Маргарита и занималась, быстро, не чувствуя вкуса, жуя бутерброд с сыром и глотая горький обжигающий кофе. Мысленно она прокрутила в голове образы детей, вспомнила, как отзывалась о каждом их учитель начальной школы, повторила напутственные слова - вот и все, что она сейчас могла сделать. Но человеку на то и дан разум, чтобы подстраиваться под обстоятельства. Раз нет у Маргариты Семеновны возможности этих

обстоятельств избежать, придется их принять и выйти из ситуации с честью. Конечно, детскую преданность придется заслужить, как и заслужить доверие родителей. Они-то, ясное дело, рассчитывали на более молодую Ильину, но ничего: «Старый конь борозды не испортит». Будут довольны дети – будут и родители. Так что в путь.

Женщина вылила остатки кофе в раковину: хватит и нескольких глотков, а то еще давление начнет скакать – лучше подстраховаться. Через десять минут она, уже одетая в костюм, строгий, деловой вид которого смягчало жабо элегантной нарядной блузы, стояла у зеркала и красила ресницы. В очередной раз подумала о том, что не зря сделала стрижку. Подстриглась Маргарита уже года три назад, но все еще продолжала восхищаться новой прической. Короткая стрижка с веселыми светлыми и чуть рыжеватыми вкраплениями перышек в темные волосы ее молодила, а главное – не доставляла хлопот в укладке. Несколько движений расчески и фена после душа – и на три дня голова в порядке. Она освежила губы помадой светлого тона, улыбнулась своему отражению, пытаясь хотя бы таким образом подбодрить себя, и вышла из дома.

До школы Маргарита Семеновна всегда ходила пешком. Конечно, приходилось вставать на полчаса раньше, но зато утренняя прогулка всегда помогала настроить и тело, и душу на правильный лад и, что не менее важно, избавляла от толкотни в автобусе и позволяла сберечь костюм. Вот и сегодня ходьба придала недостающей уверенности, и к зданию школы она уже подходила обычной твердой походкой, с расправленными плечами и гордо поднятой головой. Теперь только взять табличку с надписью «5 «А», связку шариков и ждать, когда появятся ее птенцы.

Осенняя территория школы нравилась Маргарите, пожалуй, даже больше, чем весенняя. Конечно, в мае было красиво: у входа царственно шелестели своими розоватыми гроздьями каштаны, вдоль аллеи пестрели цветами загадочные деревья, напоминающие сакуру, на клумбах сияли анютины глазки, а школьный сад утопал в белой пелене цветущих яблонь. Казалось бы, новая жизнь заявляла о своем наступлении всеми возможными красками. Но одновременно Маргарита всегда различала в школьном дворе сначала едва уловимый, но становившийся с каждым днем все более громким гул неотвратимого конца и прощания: конца учебного года и расставания с выпускниками. Радость весны и предстоящих летних каникул тесно переплеталась с меланхолической грустью грядущей разлуки с очередным поколением.

Осень же пахла иначе: сплошным ожиданием, началом разгона, полнотой сил и радостью от встреч. Да, пройдет всего несколько недель, и все успокоится: и люди, и природа. Деревья сбросят листья и погрузятся в равнодушный сон, сад станет голым и малопривлекательным, дождь покроеет дорожки школьного двора лужами, а все остальное – сплошной серой краской, но тех, кто приходит сюда каждый день, тоскливый плач осеннего неба не выбьет из проторенной колеи. Осенью они ждут зиму: заснеженного сада, по которому наконец-то разрешат бегать где придется, а не только по устланным плиткой аллеям; ледяную горку за калиткой и развешанных по ветвям деревьев кормушек для птиц. Но это потом. А пока, в сентябре, школьный двор трепещет и улыбается: трепещет от смущения и робости вновь прибывших и от неумемного восторга и энергии старожил, а улыбается всем и каждому все еще зеленой листвой, музыкой, летящей из динамиков и заставляющей просыпаться всю округу, и цоканьем каблучков, спешащих к порогу школы.

Так, с удовольствием принимая и впитывая в себя это осеннее настроение, слегка щурясь от все еще яркого сентябрьского солнца, Маргарита подходила к школьному крыльцу. Там уже переминались несколько человек – в основном старшеклассники, которым хотелось многим поделиться с друзьями до того, как директор призовет всех к порядку и начнет приветственную речь.

– Здравствуй, Маргаритсеменна! – поприветствовали они ее нестройным хором, и она улыбнулась, кивнула, отметив, что за лето многие вытянулись, повзрослели, а милое сердцу «Маргаритсеменна» стало звучать басом, а не фальцетом.

Здесь же, на площадке перед школой, стояли несколько первоклашек с родителями. Дети с трудом удерживали огромные букеты, их мамы дрожащими руками поправляли банты девочкам и галстуки мальчикам.

– Поздравляю вас! – улыбнулась и этой группе Маргарита и прошла в школу.

– Слава богу, Маргарита Семеновна, вы, как всегда, пораньше, – бросилась к ней на пороге завуч. – Пойдемте скорее, надо поговорить.

– Что-то стряслось, Ольга Валерьевна? – Учительская установка: при детях официоз, а по именам за закрытыми дверями. Маргарита поспешила за завучем, внутренне ликуя. Сейчас ей скажут, что нашелся выход, что классное руководство отменяется, что все остается по-старому. «А вдруг уволят?» –

екнуло в груди. И тут же пронеслось отчего-то спокойное: «Уволят так уволят. Без куска хлеба не останусь. Возьму еще учеников. Зато сама себе хозяйка. И выплюсь наконец».

– Так что же случилось, Оля? – повторила Маргарита, закрыв за собой дверь кабинета.

– Лица, – выдавила из себя завуч и горько заплакала. – Лица нет больше.

– Как нет? – Маргарита зажала рот рукой. Услышанное не укладывалось в голове. Лица была одноклассницей Оли, а значит, и бывшей ученицей Маргариты. А еще она была лучшей Олиной подругой, и учителем русского и литературы, и классным руководителем девятого, нет, теперь уже десятого «Б». И вчера она была на педсовете. Выглядела отдохнувшей, посвежевшей и довольной жизнью.

– Собака у нее вчера на дорогу выскочила, а она за собакой, ну и ма-а-шина-аа, – Ольга зашлась в новом приступе рыданий, – на-а-асмерть.

Больше всего на свете Маргарите сейчас хотелось плюнуть на всех и вся, сесть рядом с ученицей, крепко ее обнять и от души поплакать. Но Оля собиралась утонуть в своем горе, и ей необходимо было срочно бросить спасательный круг.

– Я все понимаю, Оленька, – тихо сказала Маргарита, изо всех сил сдерживая подступающие слезы, – но там дети, первоклассники, понимаешь? У них праздник. – Голос стал ровнее и уверенней. – Его нельзя испортить.

Ольга тут же вытерла слезы и схватилась за пудреницу. Вот так. Что бы ни случилось, а учебный процесс должен продолжаться. Это закалка, это опыт, это жизнь. Она отозвалась:

– Я знаю, я просто хотела сказать, что в связи с Ликиной... с Ликиной... – она запнулась, но на этот раз ей удалось справиться с собой, – в связи с этими обстоятельствами все меняется. Пятый берет Ильина, а вам придется подхватить обезглавленный десятый.

– Мне? – Маргарита по-настоящему испугалась.

– Что-то не так, Маргарита Семеновна? – Девочка пытливо смотрела на учительницу заплаканными глазами. – Это ведь неплохой вариант. Вместо семи лет всего два, а там, глядишь, наверху опять какой-нибудь велосипед изобретут.

Маргарита растерянно молчала, а завуч продолжала:

– Здесь ваша кандидатура самая лучшая. Литературу будет у них вести Наташа Мальцева, но у нее свой класс. Физику нагрузку не дашь, он и без того между двумя школами разрывается, ну, не на физрука же детей скидывать.

– Они бы не возражали.

– Я возражаю. Он спортсмен, часто отсутствует. Ну какое тут может быть классное руководство? К тому же он молодой, неженатый мужчина... – Завуч замялась.

– И? – Маргарита всегда требовала от учеников законченной мысли.

– А старшеклассницы – молоденькие девушки.

– Это, Оленька, грязь и гадость, то, что ты сейчас говоришь.

– Да я не про грязь вовсе. Может же любовь случиться, чувства нахлынут, возраст же горячий.

– Так если чувства – это хорошо.

– И за все это хорошее его посадят, а меня снимут. Спасибо, не надо. В общем, Маргарита Семеновна, кроме вас – некому. К тому же треть класса – ваши, да и с остальными вы немного знакомы.

– Да уж, – Маргарита скривилась. У десятого «Б» в школе репутация была сложного и неоднозначного класса. В ее французской группе дети были как раз хорошие, да и отношения с ними сложились правильные, человеческие. Только над этим она работала с пятого класса, а тут сразу взрослых, шестнадцатилетних дают, и делай что хочешь. А что она хочет, со многими уже не сделать. Характер образован, личность сформирована, и перековать мечи на

орала в некоторых случаях будет не просто трудно, а невозможно. Но выбора не было.

- Ладно, Оль. Что уж теперь? Решено так решено.

- Спасибо вам огромное.

Маргариту всегда забавляла манера администрации благодарить подчиненных за исполнение своих фактически приказов. Конечно, они звучали как человеческие просьбы, но ведь ни выбора, ни возможности отказаться никто не давал.

- Значит, беру табличку десятого. - Маргарита открыла дверь кабинета и переступила порог.

- Спасибо, - еще раз повторила ученица и добавила: - Интересно, что все в жизни повторяется, правда? Нас-то вы тоже подхватили в десятом.

Последняя фраза камнем ударила в прямую спину Маргариты Семеновны. Она даже почувствовала, как непроизвольно дернулась и покачнулась. Оля сказала без задней мысли, даже, скорее всего, из лучших побуждений. Откуда ей было знать, что своими словами она задела те струны души, которым педагог усиленно приказывала не звучать, и пробудила те воспоминания, которым еще сегодня утром Маргарита повторила троекратное «Нет!».

- Десятый тогда был выпускной. - Больше в ответ завуч не услышала ничего.

4

30 июля 1965 года

Дорогой дневник № 3!

Ты начинаешься как раз тогда, когда начинается новый этап в моей жизни. Надеюсь, тебе повезет больше, чем твоим старшим братьям, и твоим страницам не придется стыдиться написанных на них глупостей о конфетах, стыренных со шкафа, или о Наташкиной юбке, бант на которой такой огромный, что не может не вызвать зависти. Ну вот, я опять пишу ерунду, хотя от меня давно не прячут сладостей и юбки с бантами я не ношу. Когда же я закончу ходить вокруг да около и скажу наконец о главном? Все, больше не тяну ни буквы! Итак...

Я поступила!!! Да! Да! ДА!!! Я сделала это, хотя никто не верил. Конечно, мама говорила, что все получится, а папа утверждал, что у его дочки «просто не может не получиться». Но я-то слышала, как они шептались на кухне с Левицкими о том, что ужасно расстроены моим выбором. Не в том смысле, что я пошла в педагогический, а в том, что не стала поступать в медицинский. Папа сказал, что он «запасся тысячу и одной возможностью, чтобы нажать на кнопочки, но теперь ему остается только ждать у моря погоды и, возможно, молиться, хотя это и странно звучит для советского человека, а уж для врача тем более». А мама посоветовала ему пристальнее изучить записную книжку. Предположила:

- Возможно, кто-то из твоих пациентов имеет отношение к педагогике.

- Наверняка, Галчонок, наверняка. Только я точно не помню, - ответил папа, и оба они тяжело вздохнули и стали выслушивать уверения гостей в том, что «как-нибудь все образуется».

А образовалось, мой милый дневник, вовсе не как-нибудь, а очень даже замечательно. Я справилась сама, без всяких дурацких рычажков и кнопочек. Я - студентка! Теперь папа дружелюбно ворчит и говорит, что на моем месте выбрал бы предмет более распространенный и необходимый для изучения (на самом деле сомневаюсь, что ему кажется необходимым для изучения какая-либо наука за исключением кардиологии). А мамочка ходит и светится от счастья и говорит, что наконец-то узнает, о чем поют ее любимые Пиаф и Азнавур. А мне вот больше нравится Гейнсбург, хотя родители считают, что приличным девушкам не стоит им увлекаться. Но я и не увлечена им. Единственное мое настоящее увлечение - французский (после Витьки Копылова из первого дневника и Алика Штейна из второго заметен прогресс и смена приоритетов - есть к чему стремиться). Я и стремлюсь. Французский, и только французский. Штейны и Копыловы в далеком прошлом (ладно, признаюсь, не в очень далеком, но главное - в прошлом). А в будущем только Гюго, Вольтер, Золя и те, кто parle

français[2 - Говорит по-французски (фр.)]. А самое замечательное то, что по-французски теперь буду говорить я. Je suis très heureux, mon cher amis.[3 - Я очень счастлива, мой дорогой друг (фр.)] Не уверена, что смогу заснуть, но все же: спокойной ночи.

5

Никогда прежде Марта не радовалась возвращению из отпуска так, как теперь. Она чувствовала себя уставшей и буквально вывернутой наизнанку, хотя душу ни перед кем не изливала и вообще все две недели каникул преимущественно молчала, односложно реагируя на ту белиберду, что без всякой усталости несла Ниночка. Самыми ужасными оказались последние два дня, когда большинство отдыхающих поспешило домой готовить детей к школе, бар на пляже закрылся, а погода неожиданно испортилась, будто вступив с Мартой в тайный сговор и давая ей шанс сделать то, что она давно хотела: поменять билет. Марта и поменяла. Сначала собиралась пробыть на острове три недели, слезно умоляла и начальство, и сменщицу войти в положение и «в кои-то веки дать почувствовать себя хозяйкой своих желаний, а не чьей-то навязанной воли». Вошли и дали, но получилось, что вместо доброго дела послали Марте сущее наказание, терпеть которое лишнюю неделю не было у нее ни малейшего желания. Сначала она, правда, надеялась на лучшее. Ниночка обещала, что, отлежавшись на пляже, подарит подруге вихрь новых впечатлений. Марта изучала путеводитель и гадала, какими будут эти впечатления: зелеными, как горы Троодоса, или синими, как воды Голубой лагуны, или коричневыми, как венецианские стены Никосии, или серыми, как заброшенные отели Фамагусты, или разноцветными, как веселье и безудержность Айа-Напы. Но дней через десять после начала ссылки (по-другому свое пребывание на Кипре Марта уже не могла назвать) выяснилось, что под вихрем впечатлений Ниночка имела в виду торговые молы Лимассола, модные бары Ларнаки и пенные вечеринки в клубах Пафоса, на которых она собиралась «отрываться по-страшному, ни в чем себе не отказывая». Более ужасную перспективу Марте не могло нарисовать даже воображение, а посему:

– Знаешь, мне тут позвонили с работы. Боюсь, тебе придется отрываться без меня.

– Что за фигня?! Дай я сама позвоню в салон и все улажу. Ты в отпуске, и они должны уметь обходиться другими силами. Эка невидаль – морды кремами мазать!

Марта вспыхнула. Мгновенно захотелось наговорить недалекой Ниночке гадостей, но она сдержалась, сказала только:

– Знаешь, на самом деле это почти наука. Этому учиться надо и совершенствоваться. На следующей неделе как раз будет семинар по современным методам лифтинга, и после него выдадут сертификат о повышении квалификации. А с повышением квалификации и зарплата растет.

Это для Ниночки аргумент. Лучше не придумай.

– Ну, раз зарплата, тогда конечно. Жаль, что мне придется куролесить одной. Хотя, ты знаешь, я позвоню Таньке. Ей ничего не стоит сорваться на пару дней, а уж с ней мы...

– Звони.

«И будь добра, избавь меня от необходимости слушать рассказы о том, чем вы с Танькой, Манькой, Зинкой или даже Эсмеральдой станете заполнять свой досуг».

Марта вернулась в Москву и подавила в себе искушение сразу же обзвонить «домашнюю» клиентуру и заполнить свое расписание. Впереди была еще целая неделя отпуска, которую необходимо было провести так, чтобы организм полностью восстановился от тягот общения с Ниночкой. Марта применила шоковую терапию: ни телефона, ни телевизора. Полный вакуум. Вокруг такая легкая и нисколько не гнетущая тишина. Не гнетущая оттого, что временная, не тяжелая потому, что желанная. Она с наслаждением читала и даже вытащила с полки запылившийся словарь. В нем посмотрела, как сказать по-французски: «Ваша кожа сухая, жирная, смешанная», – и сама себе удивилась. Даже произнесла вслух, усмехнувшись: «Вот и смешала божий дар с яичницей», – и вернулась в объятия тишины. Когда-то один человек учил Марту тому, что для достижения счастья в жизни важно ставить себе четкие цели, а не лепить все в одну кучу, грамотно расставлять приоритеты и пусть медленно, но верно двигаться к поэтапному исполнению своих задумок.

«За двумя зайцами погонишься...» – сколько раз слышала Марта эти слова и соглашалась с ними, а вот, пойдешь ты, снова взялась за свою старую страсть.

Салон красоты и французский – ничего общего, кроме того, что лучшая косметика и самые известные бренды родом из Франции. Конечно, это кое-что, но все-таки каким образом лично Марта может связать свою работу в салоне с языком Бодлера – остается неразрешимой загадкой, как и то, по какому такому велению подсознания полезла она за старым, истрепанным словарем.

Больше Марта философскими вопросами не задавалась. Последняя неделя августа выдалась на удивление теплой и сухой. Она бродила по улицам и наслаждалась тем, что может идти куда глаза глядят, без какой бы то ни было определенной цели. Оказывается, в таком бесплановом существовании была своя прелесть. Волею случая набрела она на художественную галерею, где с любопытством разглядывала фотографии довоенной Москвы. Так же неожиданно очутилась на спонтанной встрече поклонников творчества Булгакова. Марта просто шла по Патриаршим и остановилась у лавочки, возле которой группа людей увлеченно спорила о том, к какой породе следует относить кота Бегемота. Кто-то считал, что такая хитрая особь определенно из породы сиамских. Другой нещадно критиковал подобное предположение и настаивал на том, что Бегемот достоин называться сфинксом. В толпе звучал и одобрителный гул, и возмущенный ропот:

– Сфинксы лысые, а у Бегемота шевелюра была.

Марта дотронулась рукой до своих жестких кудрявых волос. Они росли быстро, падали на лоб и закрывали глаза, торчали из-за ушей в художественном беспорядке и были бессменным объектом притязаний всех стилистов-парикмахеров, работающих в салоне. Каждый уже хотя бы раз попытался изобразить на голове Марты что-нибудь этакое, но через две недели это что-то снова превращалось в ничто. Иногда Марте надоедала борьба. Она надевала платки и кепки, а на работе носила специальную (почти хирургическую) шапочку, скрывая отсутствие прически до тех пор, пока это отсутствие не дорастало до милого, симпатичного пушистого хвостика. Так что шевелюра у Марты была. Что не мешало многим знакомым в глаза, но чаще, естественно, за спиной, называть ее сфинксом.

– Холодная ты, потому и непрошибаемая, – объяснила ей как-то одна из коллег. – У каждого хотя бы иногда эмоции зашкаливают, а тебя ничем не возьмешь.

Марту тогда поразила интонация сказанного. Было очевидно: девушка говорит без всякой зависти. Ее вовсе не восхищает это Мартино качество, а вызывает скорее неприязнь и недоумение. Но это ее позиция, а Марту никто не заставит поверить в то, что в жизни не стоит держать истинные эмоции при себе и реагировать на большинство ситуаций с видимым равнодушием. Не демонстрируй окружающим чувств, и они оставят тебя в покое.

Эту формулу она вывела, когда ее побили. Нет, не в первый раз. И даже не во второй. В первый она громко плакала от боли и обиды – и от всего вместе. И все никак не могла понять, почему Ленка, с которой она как раз поделилась принесенными жвачками, теперь с удовольствием принимала участие в общей экзекуции. Девчонки били умеючи, со знанием дела, не оставляя следов. Били и пригова ривали:

– Не бери чужого! Не бери чужого!

А Марта прикрывалась руками и только подвывала протяжно:

– Я не-е-е бра-а-ала!

– А это откуда тогда, сучка маленькая?! – возмущалась заводила и предводительница двенадцатилетняя Светка, которая казалась маленькой восьмилетней Марте просто гигантом. И этот гигант совал ей под нос здоровенный кулак с зажатой в нем оберткой, от которой до сих пор так приятно пахло чудесной апельсиновой жвачкой.

– Пода-а-а-рили, – жалобно тянула Марта и получала новую порцию тумачков.

– Врушка проклятая! Иуда! – заходила Светка в новом приступе ярости. – Седьмой год в школу хожу, и хоть бы карандашом кто поделился. А эта первый день, и уже «подарили».

На Марту сыпались очередные удары, а она неумело закрывала лицо тоненькими ручками, вслушиваясь в такое правильное и такое на сей раз несправедливое:

- Не бери чужого! Не бери чужого!

В подмосковном детдоме никто не считал зазорным стырить то, что плохо лежит. Дорогие и ценные вещи не брали, да и откуда им взяться? Кусочек печенья, цветное стеклышко, красивая открытка – вот и все, чем можно было поживиться при случае. Да и воровать особо не хотелось. Жили дружно, друг другу помогали, и если у кого-то случалось счастье – посылка или весточка из дома, – то им тут же делились со всеми. Письма читали вслух. Читали специально, чтобы обозначить свою принадлежность семье, зачастую переделывая именные обращения на «доченька» или «сыночек». Марте никто не писал, поэтому посылки ей нравились гораздо больше весточек. Посылки были вкусными и делились на всех. Потом уже, будучи взрослой, она пыталась найти то самое абрикосовое варенье, которое варила бабушка Сашки Журавлева. Тщетно. Вкусы детства не повторяются. Нигде не встретить теперь того слипшегося в клейкую массу мармелада, что отрывала от сердца Лидка Буравкина и делила между всеми на равные части. И не отыскать таких хрустящих вафель, что пекла тетя Машки Орловой.

Здесь же, в Москве, куда Марту зачем-то перевели, все было по-другому. А зачем перевели? Если бы Марта заранее знала, сделала бы все, чтобы остаться на старом месте. Но она же не думала. Все вокруг радовались, и поздравляли ее, и говорили о каком-то чудесном шансе на будущее. И она – Марта – тоже радовалась. Почему бы и нет?

- Ребенку надо дать шанс, – сказала воспитательница заведующей. Это Марта подслушала. А что такого? Подслушивать тоже не считалось зазорным. Тем более если речь идет о твоей судьбе.

- Какой у них может быть шанс в этих условиях? Что здесь, что там – все одно.

О каком шансе шла речь и почему какие-то условия многозначительно именовались «этими», Марта тогда не поняла, но зато ответ воспитательницы показался ей вполне ясным и по-настоящему замечательным.

- У девочки способности, – Марта наострила уши.

- Ну какие способности с их-то диагнозами?

– Совершенно явные. К языкам и к музыке. К тому же о диагнозах здесь речь не идет, вы же знаете.

Слово «диагноз» было Марте незнакомо, но раз о нем и не говорят, так зачем обращать внимание.

– Да, поет Марта хорошо, но это еще не повод просить о переводе. Пообещают выделить место в каком-нибудь местном ансамбле, и только.

Сердце девочки радостно застучало: в ансамбле! В ансамбле! Она будет петь! Наверное, на сцене. Да, скорее всего, на сцене. И наверняка поедет на гастроли. В голове тут же зазвенела мелодия, и Марта едва удержалась, чтобы не спеть вслух: «На дальней станции сойду...»

– Надо упираться на другие способности. У нее прекрасная память и восемь классов образования – вовсе не то, что эта память заслуживает.

– Милая моя, допустим, я внесу это предложение. Предложение, кстати говоря, даже с моей точки зрения, нелепое. Неужели вы думаете, что я заранее не знаю ответа? – Голос заведующей звучал устало, и Марте стало скучно. Разговор перестал быть понятным. Девочка уже собиралась отправиться к подружкам и поведать о своих замечательных способностях, но изменившиеся интонации звучавшего голоса заставили ее остаться. Кажется, заведующая кого-то изображала: – Всем детям в Советском Союзе предоставляются равные возможности. Государство заботится о своих гражданах, и если вы в этом сомневаетесь, то возникают правомерные сомнения в вашем соответствии занимаемой должности. Вспомните, пожалуйста, о том, что каждый человек имеет право на образование. И если, как вы утверждаете, способности выдающиеся, то ничто не может помешать человеку окончить восемь классов, затем техникум, а потом уже штурмовать институт.

Взрослые за дверью молчали. Наконец воспитатель сказала:

– А вы все-таки внесите.

– Хорошо. Сделаю что смогу.

Марта заторопилась в палату и начала готовиться к поступлению в ансамбль. Целыми днями ходила и напевала песенки, повторяла строчки услышанных по радио зарубежных композиций и, не понимая ни слова, повторяла удивительно чисто. Особенно удавался ей французский шансон. Она умело грассировала, не напрягаясь и не стараясь, а легко и беспечно, как это умеют делать лишь ничем не озабоченные дети. И получилось. Однажды Марте объявили:

- Ты уезжаешь.

Она была настолько уверена, что ее ждут музыка и пение, что почти не слушала долгого рассказа заведующей о московском детдоме, в котором любезно согласились ее принять и дать возможность учиться все десять лет. Учиться так учиться. Десять так десять. Лучше бы она послушала. Пения от нее никто не ждал и продемонстрировать свой талант не просил. Провели по зданию: чисто, но зябко. Выделили кровать и тумбочку – прежние были лучше: светлее и у окна стояли. Познакомили с соседками: пять разных человек, а смотрят одинаково – волчатами. Махнули небрежно на вид за окном:

- В этой школе будешь учиться. Предметы как и везде. С четвертого класса – французский. Там и посмотрим, что за способности.

Провожатая ушла, а волчата обступили Марту и рассматривали молча до тех пор, пока кто-то (кажется, предательница Ленка) не спросил с насмешкой:

- Ты по-французски, что ли, шпаришь?

Марта обвела взглядом пять пар настороженных глаз, смотревших на нее с плохо скрываемым презрением, и начала петь что-то из Пиаф. Глаза подобрели, настороженность исчезла, и вот уже девочки кружились и покачивались в такт с мелодичным «*Padame, padame, padame*». Зазвучал гул одобрения:

- Во дает!

- Действительно, ботает.

- Ты к нам из Парижу, что ли?

– Не, я из Раменского, – ответила Марта, закончив, и для присутствующих это прозвучало так, будто Раменское – это нечто очень похожее на Париж.

В общем, тогда Марта повела себя правильно. Потому и приняли – не побили. А потом вот допустила оплошность: взяла у одноклассника подаренную пачку жвачки, да еще и с Ленкой зачем-то поделилась. Сlopала бы всю сама, никто бы и не заметил, а теперь вот что получилось: глаза опухшие, волосы вырваны, тело болит, да и Васька Потапов – тот самый, что подарил жвачку (ему папа из командировки привез), – смотрит как на придурочную и упрямо твердит:

– Никуда я не пойду!

А Марта тормозит его и наседает с утроенной силой:

– Васек, ну что тебе стоит, а? Подойдешь к Светке: долговязая такая, с косой, и скажешь, что подарил мне жвачку.

– Она из какого класса?

– Из шестого.

– Не пойду.

– Вась, да она не страшная вовсе. – Марта сама себе не верила. Не поверил и Вася. Шутка ли, первокласснику ходить с заявлениями к ученице шестого класса.

В общем, в глазах детдомовского общества Марта оставалась воровкой. Больше за это не били, но смотрели с презрением и обходили стороной. Марта ощущала себя чужой и несправедливо обиженной, потому и продолжала ночами горько и отчаянно рыдать, забившись маленьким отчаянным комочком под одеяло и накрыв кудрявую голову подушкой. Терпеть несправедливость под силу далеко не каждому уверенному в себе взрослому, а для ребенка, тем более одинокого и беззащитного, это становится и вовсе непосильной ношей. Марта не сумела долго тащить этот груз: отправилась жаловаться к заведующей. За это и получила тем же вечером новую жестокую трепку. И снова она кричала и всхлипывала и просила перестать, чем только распаляла своих мучителей.

Удары сыпались нескончаемым градом, и один из них оказался крайне неосторожным: наутро Марта проснулась с расквашенным носом и заплывшим синевой глазом.

– Кто это сделал? – Сначала допрос проводила воспитатель, потом заведующая, затем они вместе и снова по отдельности.

У Марты кружилась голова и першило в горле (полночи она провела на холодном полу под сквозняками – не было сил добраться до кровати), девочка не могла выдать ни слова и только упрямо сжимала губы, на которых все еще были заметны следы запекшейся крови.

– Я тебя спрашиваю! Называй фамилии! Зайцева? Дебенко? Миронова? Ну же! Говори давай!

И Марта сказала единственное, на что была способна:

– Никто.

Сложно объяснить, чем руководствовался ребенок, решивший оставить своих обидчиков безнаказанными. Возможно, сработал некий подсознательный инстинкт самосохранения, поскольку наличие сознательного расчета и такого глубокого понимания психологии в столь юном возрасте даже предположить сложно. Так или иначе, Марта никого не выдала.

В дикой природе выживает сильнейший. Природа окружавших Марту детей была сродни звериной: как только они чувствовали силу – отступали. Отступили и тогда, даже пытались проявлять уважение: спрашивали о самочувствии, приносили булочки из столовой, рассказывали школьные новости, но Марта не реагировала: на вопросы не отвечала, сладостей не ела, эмоций не проявляла. Непокорность общему настрою, выход из-под контроля не могли не раздражать, и девочку попытались проучить в третий раз. Он оказался последним. За короткое время экзекуции Марта не произнесла ни звука, чем окончательно охладила пыл соседок по комнате. Какой смысл пинать бесчувственную куклу? Пусть себе лежит тихонько в углу. Или сидит, или идет куда-нибудь, кому какое дело? Марту оставили в покое. О ней просто забыли, считали пустым местом. Если бы девочкам напомнили о том, что в комнате живет еще один человек, они бы даже удивились. Марта превратилась в мебель, а точнее – превратила в

мебель своих соседок. Она словно сказала себе: «Я живу одна» – и вела себя в соответствии с этим утверждением. Сложно завести тесную дружбу или даже обычное знакомство в пустом помещении, а детский дом навсегда стал для Марты пустым, хотя и в этой пустоте все же долетало до нее сказанное кем-то отчего-то совершенно необидное: «Сфинкс».

Марте нравились ее бесцельные блуждания по Москве. Кроме Патриарших, она нечаянно посетила целую кучу мест, где давно не была. Удивилась наличию художников на Арбате: ей почему-то казалось, что всех давно оттуда «попросили». Поставила свою подпись в списке протестующих против замены плиткой асфальта на тротуарах Садового кольца – Марта сама видела, как шедшая впереди девушка сломала каблук. И хотя первой мыслью было злорадное: «Так тебе и надо. Юбка до пупка, задница виляет, туфли как у стриптизерши», – на второй мысли Марта споткнулась, потому что споткнулась сама: зацепилась мыском мокасина за выступающий угол небрежно положенной плитки. Подумала: «Бог шельму метит» – и через мгновение, вслед за хромающей девицей, уже ставила свой автограф, расписываясь в собственном возмущении действиями властей.

– Совести у них нет! – в сердцах говорила девушка, растерянно мусоля отвалившийся каблук.

– Точно! – горячо поддержал парень, собиравший подписи. – Тут третьего дня у женщины колеса детской коляски сломались, хорошо, ребенок не ударился. Ей, бедняге, пришлось на себе тащить и мальчишку, и железяку.

«Мог бы и помочь донести», – как-то зло подумала Марта, а сборщик автографов продолжал кипятиться:

– Да и вам теперь не пойми как до дома топать. У нас же народ без тормозов: хихикать начнут, пальцем показывать. Уроды просто!

Марта пожалела, что расписалась. Молодой человек злился не на московскую мэрию, а на весь мир. Диагноз очевиден и лечению не подлежит. А вот убитую горем девушку, готовую расплакаться от откровений обиженного жизнью парня, захотелось приободрить:

– Подумайте о чем-нибудь хорошем, – предложила Марта.

- О чем? – уныло спросила несчастная, в глазах которой застыли слезы.

- О чем угодно, и побыстрее, а то испортите макияж.

- В зоопарке три белых медвежонка, – с готовностью откликнулась девица и даже улыбнулась.

«А она вполне симпатичная. Ножки стройные, и личико миловидное», – сменила Марта гнев на милость. Она протянула девушке руку:

- Давайте вторую туфелью. Хорошенькие медвежата?

- Очень. – Девушка с готовностью протянула оставшуюся целую босоножку.

- Пойду посмотрю. – Марта сломала второй каблук и вернула обувь: – Так будет удобнее.

- Спасибо.

- И вам.

- За что?

- За медведей.

Медведи действительно оказались забавными. Марта стояла у клетки минут сорок, с удовольствием наблюдая за их веселой игрой. Они ныряли, брызгались, пытались догнать друг друга, а догнав, покусывали и легонько дрались большими мохнатыми лапами. Марта смотрела – не могла оторваться, но вместе с тем испытывала какое-то непонятное чувство легкого беспокойства. Что-то ее смущало, что-то было не так. Потом она поняла: странным и необычным показалось количество народа. Около загона белых медведей обычно не протолкнешься, приходится несколько минут ждать своей очереди, чтобы пробиться к стеклу через целый лес рук, плеч и голов. Но сегодня ничего подобного не наблюдалось. Кроме Марты, еще несколько таких же зевак, парочка явных командированных, убивающих время до поезда или самолета,

несколько мамаш с прогулочными колясками – и больше никого.

– Как мало народа, – высказала Марта вслух свое удивление.

– Так ничего удивительного, – откликнулась полноватая румяная женщина и сунула такому же пухлому, сидящему в коляске карапузу стаканчик с мороженым. – Первое сентября ведь.

– Действительно. – Марта и не заметила, как кончилось лето. – Удивительно просто.

– Я же говорю, – женщина повысила тон, – нет ничего удивительного!

– Нет-нет, это я не вам.

Это Марта сказала себе. Удивительным был вовсе не конец лета. Ее поразило то, что каким-то непостижимым образом ей почти удалось совершить то, о чем она мечтала последние лет двадцать, – забыть о первом сентября, не заметить его, проспав, пробежав, пролетев, чтобы только не думать, не вспоминать и не ощущать себя снова в самом грустном дне своей жизни.

– Первое сентября, – повторила Марта. Ее голос ничего не выражал, глаза не погрустнели, спина не согнулась. Но мир перевернулся. Веселые медведи исчезли, беззаботность отпуска испарилась, уступив место воспоминаниям, которые сделали планету именно такой, какой она и должна была явиться к Марте в первый день осени: жестокой, мрачной и очень холодной, несмотря на теплый легкий ветерок в листве и яркое солнце на голубом и все еще полетному ясному небе. Погода радовала и грела. Но, несмотря на это, первый день осени всегда заставлял сердце Марты стыннуть холодной льдинкой. «Школьные годы чудесные...» Да. К ним у Марты претензий не было. Но ведь не будь они такими чудесными, все, что случилось потом, не казалось бы ей теперь таким мрачным и безысходным.

В небо взметнулись огромные связки воздушных шаров. Белые, синие, красные – в цвет российского флага, – они, важно покачиваясь, проплывали над верхушками деревьев и исчезали за пятиэтажками. Егор как зачарованный наблюдал за полетом до тех пор, пока жена не ткнула его в бок:

– Смотри!

Егор спохватился, начал вытягивать шею и силиться разглядеть, куда именно указывал дрожащий от нахлынувших чувств Машин пальчик. Сначала ему казалось, что он видит, как впереди то выныривает, то вдруг снова исчезает в море бантов и букетов Мишкин ранец с нарисованным Человеком-Пауком. Потом он взволнованно спрашивал вытирающую слезы жену:

– Где? Где?

– Да вон же, вон. – Маша говорила с умилением и одновременно с жалостью: – Какой маленький... – Егор плюнул на свои неловкие попытки опознать фигурку сына, обнял жену за плечи, ласково поцеловал в макушку. Машины волосы пахли лавандой. Прилив нежности тут же сменился раздражением. «Когда же она сменит шампунь? Ведь говорил же, терпеть не могу этот запах. Хоть бы что. Только плечами пожала и отмахнулась: «А мне нравится». А потом удивляются тому, что мужчины ищут, где помягче да попокладистее». Маша посмотрела на мужа, в ее заплаканных глазах уже плясали задорные искорки:

– Все-таки, Егорка, ты совершенно безалаберный.

Обвинение было настолько неожиданным, что Егор даже обидеться забыл. Просто опешил, переспросил только:

– Я?

– Ну не я же! Мне бы не пришло в голову притащить ребенку букет, который в три раза больше его самого. Он же его еле держит, даже не знаю, донесет ли до класса.

Егор уже хотел привычно огрызнуться, но тон Маши был довольно мирным, не настроенным на ссору, и он решил придержать коней. Не зря. Потому что

следующие слова жены прозвучали совершенно по-другому: резко, но очень грустно:

– Ты наверняка вошел в палатку и потребовал себе самый шикарный букет. Ты же не переносишь, когда у кого-то что-то лучше, чем у тебя. У тебя самая замечательная работа, самая крутая машина, самая домовитая жена и самый прекрасный ребенок. И его цветы, конечно же, должны затмить букеты всех остальных детей. А что еще у тебя самое лучшее, а, Егор?

Егор мог бы буркнуть: «Ничего», – мог бы заорать, применяя нападение как лучший способ защиты, и гневно возмутиться: «Что за бред ты несешь?!» Но делать это прилюдно, среди толпы народа! Какая муха укусила его всегда спокойную, тихую жену? Неужели она что-то подозревает? Да нет, не может быть! Ведь никогда ни словом, ни взглядом. Нет, определенно пора избавиться от Людки и вспомнить о семье. Егор крепче обнял жену, сказал, стараясь не встретиться с ней взглядом и делая вид, что высматривает сына среди детей:

– Мань, ты в следующий раз просто говори, какой конкретно букет нужен. Ну, размеры обозначь, состав. Ты же лучше знаешь, правда? Ты у меня умница! – И он снова, стараясь не дышать невыносимой лавандой, поцеловал пушистую макушку.

Маша не ответила, но и не отстранилась. Наоборот, прижалась теснее и сказала по-прежнему миролюбиво:

– Смотри: пошли!

Егор завертел головой, встал на цыпочки и наконец увидел. Минька смешно косолапил по направлению к школьному крыльцу, стараясь не выпасть из линии малышей, возглавляемых дамой средних лет. «Наталья Петровна», – вдруг неожиданно вспомнилось имя и отчество учительницы. Да, Маня что-то такое говорила. Кажется, она была довольна отзывами о педагоге и радовалась, что сын попал именно в ее класс. И потом еще сказала, что зовут классного руководителя так же, как звали ее первую учительницу, – Наталья Петровна, а у нее – Маши – остались о последней только наилучшие воспоминания.

Что касается воспоминаний Егора, то начальную школу он практически не помнил. Как правило, в сознании возникали некие смутные видения, связанные с

какой-то непрерывной усталостью и безысходностью. Вот они с мамой идут через поле. В лицо дует ледяной ветер, несколько минут назад сломавший хиленький зонт. По спине непрерывным потоком бегут струи дождя. На Егоре резиновые сапоги. Они ему велики, и оттого каждый шаг дается с трудом: голенище погружается в грязную жижу и никак не хочет двигаться дальше. А мама тянет за руку и торопит:

- Быстрее, Егорка, быстрее!

И он старается. Знает, что, если опоздают к автобусу – в школу уже не попасть. А сегодня конкурс, и надо написать работу, и обязательно хорошую, чтобы выиграть, чтобы потом в Москве, куда папу скоро переведут, Егорку бы обязательно приняли в хорошую школу. Папа у него военный, уже совсем немолодой. Он большой и лысый, зато усы у него густые и мягкие, он в них смешно улыбается и называет себя старым воякой. А мама всегда вздыхает и укоряет его ласково:

- Куда тебе воевать-то, Миша! Уж скоро на пенсию.

А отец хорохорится, обижается:

- Есть еще порох в пороховницах. Нечего меня со счетов сбрасывать! Я, между прочим, ценный кадр.

Мать замолкала, но упрямая складочка у переносицы продолжала выражать несогласие. Потом, спустя годы, Егор понял, о чем так красноречиво говорила эта складка: «Что ж это тебя, такого ценного и незаменимого, все время в глушь посылают?! То в Мурманске света белого не видим (там Егор и родился, слабеньким и болезненным, мать так боялась рахита, что даже вырвалась от мужа на полгода и уехала с ребенком на родину, в Краснодар, но потом они вернулись – семья), то на границе с Афганистаном вздрагиваем от каждого шороха, то в Якутске мерзнем от невыносимого холода». Егор часто думал о том, что мать очень любила отца, и про себя удивлялся этому чувству без тени расчета, без крупинки меркантильности. Все только о нем, все только для него, и ничего для себя. А ведь на пятнадцать лет моложе, и фигура красивая, и коса до пояса, и ухажеров – один другого краше. Могла бы остаться в своем теплом, сочном, фруктово-богатом Краснодаре и горя не знать, а вот бросила всех и вся (и город, и родителей, и друзей, и институт), перевелась на заочное – и

вперед за любимым практически на край света. Где Краснодар и где Якутск?

– Святая женщина! – часто говорил отец о матери, и маленький Егор удивлялся таким словам, а вырос – понял: святая. И радовался, что в конце концов за терпение и за любовь досталось ей от жизни справедливости. Отца не только не списали, а пригласили в Москву, и сразу в Академию Жуковского, готовить молодые кадры. Видно, не были его слова о себе пустым бахвальством. Он действительно был отличным специалистом по ракетным установкам, а профессионалы такого класса, несмотря на объявленное во всеуслышание разоружение, продолжали оставаться в цене. Кто его знает, насколько затянется потепление в отношениях и что на самом деле творится за закрытыми дверями Пентагона. Наши тоже не лыком шиты. В лицо улыбаются и головами кивают, договора подписывают, руки пожимают, а за спиной подстраховываются: практиков хотя бы в теоретики переводят, чтобы почва была подготовлена, случись что, быстренько обратно перескочим к ракетам, установкам и той державе, которую все боятся.

Так что Егоркин отец – ценный специалист, и его переводят в Москву. А с ним и семью, конечно. А в Москве все по-другому. Там не одна школа в семи километрах от дома, а огромный выбор и большие возможности. Это сейчас Егора и других детишек (их мало, всего человек пять) подбрасывают на гарнизонной машине, но иной раз она занята, и приходится, как сегодня, идти пешком несколько километров до автобуса. Автобус как раз поспекает к парому, и всех переправляют на другой берег реки. А там и школа, и рынок хороший, и станция – в общем, цивилизация. А если опоздать на автобус, то пиши пропало: следующий паром только через три часа – не добираться же до школы вплавь. Поэтому Егор спешит, старается не отстать от матери, не подвести, успеть.

Теперь он знает, что к автобусу они успели вовремя, и работу он тогда написал отлично, лучше всех. Но как это было, сказать не может – не помнит. Ветер помнит, дождь, поле, черные круги под глазами матери, а школу, учителей, ребят – смутно, все какими-то урывками, пятнами, и не цветными, а серыми и блеклыми, будто подтверждающими этим незначительность таких воспоминаний. Вот и вся его начальная школа. Имени первой учительницы Егор тоже не помнил: оно было слишком сложным и быстро улетучилось из сознания. Первый класс застал его еще в Таджикистане, и единственное, что он вынес оттуда, – это ощущение постоянного удивления оттого, что одноклассникам тяжело давался русский, в то время как он сам – Егор – бойко лопотал по-таджикски.

Он и сейчас кое-что помнит: ласково пожимает жене руку и говорит улыбаясь:

– То боздид, сынок!

– Что? – Маша от удивления даже перестает следить за Мишкой, который уже шагает увереннее (его подхватила и повела за собой уверенная рука одиннадцатиклассника).

– В смысле удачи, всего наилучшего.

– Опять эти твои приколы. – Машин взгляд снова прикован к ребенку, а Егор усмехается: прикольного тогда в жизни на границе с Афганом было мало (это уж точно), но услужливая детская память постаралась по максимуму уберечь от неприятных видений. Кошмары Егора не посещают. А вот Миньку, теперь уже почти бегущего за выпускником к школе, он постарается запомнить. Это веселая картинка: впереди огромный букет, сзади пляшущий Человек-Паук, а между ними вихрастая голова на тоненькой шее с красными от волнения ушами. Наконец голова, букет и портфель исчезли за порогом школы. Ученики теперь непрерывным потоком плыли к зданию. В небо взмывали все новые связки шаров, из колонок пели о том, «чему учат в школе», а из микрофона лился торжественный голос директора, рассказывающий о достижениях каждого покидающего двор класса.

– Пойдем! – Егор потянул жену за рукав.

– Сейчас, погоди. – Маша вертела головой по сторонам, на ее лице застыла приветливая улыбка.

«Все ясно: ей необходимо, не откладывая дело в долгий ящик, познакомиться с парочкой таких же сумасшедших мамаш, вступить в родительский комитет и начать действовать во благо собственного ребенка. Ничего, работа не волк...» Егор сам удивился собственным мыслям, раньше он не позволял себе так рассуждать о работе, а теперь... теперь ему можно. Он ведь отключил мобильный. Ну, не совсем, конечно, просто звук вырубил, а вибрацию в кармане чувствовал уже раз пятнадцать. Но он же даже не собирается проверять, кто был таким настойчивым. Ну ладно, может, и собирается, но позже, а сейчас он намерен забыть о работе. Так что пусть и Маша оставит свои попытки ринуться в бой.

– Пойдем! – настойчиво повторил Егор. – Через два часа его забирать, тогда и перознакомишься со всеми.

– Да куда идти-то?

– Ну, там в кафе, в кино. А хочешь, на выставку какую-нибудь сходим?

Взгляд жены был недоверчивым, слишком недоверчивым, и Егору стало неприятно, даже стыдно немного.

– Ты... ты серьезно? – Маша смотрела так, будто он сообщил ей о приглашении на Луну.

– Вполне.

– Конечно. Хорошо. Здорово. – Жена заволновалась, стала снова оглядываться по сторонам, будто боялась что-то забыть впопыхах, и Егор засмеялся, глядя на нее. От стыда не осталось и следа. Он снова чувствовал себя на коне: приятно доставлять людям удовольствие.

– Пошли уже, – и он начал прокладывать дорогу в толпе, крепко держа Машу за руку: – Извините. Разрешите. Прошу прощения.

– А куда, куда пойдём? – Маша теребила сзади рукав его пиджака.

– Да куда угодно, Мань. Хорошо, что ты наконец согласилась вырваться. Я слышал, в нашей галерее очень хорошая экспозиция. – Энтузиазм накрыл Егора с бешеной скоростью. В эйфории от внезапно свалившегося на него счастья он начал тараторить без умолку: – Ой, Машка, а в новой кондитерской такие пирожные вкусные. Я туда заезжал как-то.

«Черт! Сейчас спросит, почему домой не купил, и все пропало».

Но Маша спокойно шла сзади, не выпуская из рук пиджак мужа.

«Пронесло».

– Давай сходим, а? И Миньке купим. А еще в «Детский мир» можно, он давно новый поезд просит. Я соберу железную дорогу, хорошо? И поиграем вместе. Кстати, в кино ведь тоже куча премьер. Этот фантастический, помнишь? Ну, про космос что-то, я тебе говорил. Я бы хотел посмотреть. И комедия еще идет французская с Жаном Рено. Говорят, неплохая. А можно Мишку дожидаться и втроем на мультитак махнуть. Как тебе, а?

– Здорово. Но пошли уж лучше сейчас. Хорошо?

– Хорошо. – Егору с трудом удалось среагировать вовремя. Слишком много сторонних шумов, кроме собственного безостановочного стрекотания, дребезжало в его голове. В левом ухе звучала теперь песенка про улыбку, в правом – смешался весь остальной шум и гам школьного двора. И вдруг как гром среди ясного неб, долетел зычный голос директора:

– ...цкая Маргарита Семеновна.

Егор резко остановился. Маша от неожиданности больно стукнулась носом о его спину и спросила с обидой:

– Ты чего?

– Ты слышала, слышала? – спрашивал он взволнованно, стараясь разглядеть, что происходит у порога школы.

– Да что именно?

– Учителя сейчас объявили.

Маша равнодушно пожала плечами:

– Десятый класс пошел со своим руководителем. Не знаю, какая-то Маргарита. А что?

– Нет-нет, ничего. Показалось, наверное.

– Что показалось-то?

– Ничего, Мань, ерунда. Не бери в голову. Пошли. – И опять: – Извините. Разрешите. Прошу прощения.

Это начальную школу Егор помнил смутно, а вот старшую хотел бы забыть и не мог. Нет, он не изводил себя мыслями о прошлом и не бередил душу воспоминаниями специально. Но разве можно уберечь себя от чьей-то мимолетной фразы, от какого-то незначительного слова или от неожиданной встречи, которая в одно мгновение перевернет всю жизнь с ног на голову, сожмет человека в тиски и снова пропустит через мясорубку памяти.

«Выставка, кафе, кино и еще «Детский мир», – Егор упрямо заставлял свои мысли двигаться в нужном направлении, но они сбивались с дороги и падали на одну и ту же обочину: «Маргарита Семеновна. Маргарита Семеновна... Мало ли на свете Маргарит? Да, вагон и маленькая тележка. И училка среди них наверняка пруд пруди. И Семеновны, конечно, не одна и не две, а может быть, и целая сотня. Ну что ты задергался опять? Что занервничал? Твоя Черновицкая уже давным-давно на пенсии, если вообще не на небе. Так что дурь все это. Нечего ей делать в этой школе!»

Егор посадил жену в машину, забрался сам, завел двигатель и резко, слишком резко, нажал на педаль газа.

7

28 февраля 1969 года

Жаль, что не получается писать так часто, как хотелось бы. Счастье так мимолетно. Оно кажется всеобъемлющим и вечным, а через какие-нибудь мгновения ты уже не в состоянии передать эмоции и чувства словами. А уж выразить свою мысль на бумаге – утопия. Все кажется мелким. Неточным, неподходящим, слишком обыденным. Что мне описывать? Первую встречу? Первое признание? Первый поцелуй? Боюсь написать вульгарно и пошло, родить дешевый, скользкий роман. А ведь это жизнь. Это по-настоящему, это серьезно.

Перечитала записи двухлетней давности. Все так по-детски. Ах, он симпатичный мальчик. Ах, он на меня посмотрел. Ой, пригласил в кафе-мороженое. Как в кафе начиналось, так и заканчивалось. Никто из обожателей не вырвал меня из французского плена. Так три года и провела в библиотеке. Нет, я не жалею. Теперь я знаю, зачем. Чтобы встретиться с ним!

Ну вот, так и вышло: пошло и пафосно. Но ведь это правда. Если бы не занималась, как подорванная, не выиграла бы путевку в молодежный лагерь. А нет путевки – нет и встречи. Надо же, уже прошло полгода. А кажется, что лето было буквально вчера.

Я иногда думала, что было бы, если бы Леша оказался не москвич? Удалось бы все продолжить или наши чувства так и остались бы там, на крымском берегу? Теперь знаю точно, что волнения были напрасны. Настоящее не убьет никакая разлука. Так что не имеет никакого значения, когда бы она случилась: три месяца назад или, как теперь, три дня назад. Он так далеко, а кажется, что стал еще ближе и еще дороже.

Не могу учить слова. Рискую впервые завалить экзамен и лишиться повышенной стипендии. А ведь Лешка сказал: «Учись, малыш, хорошо». А как тут учиться, если я то и дело откладываю учебник и рассматриваю карту? Интересно, какой он, этот остров Даманский? Хотелось бы посмотреть. Лешка говорит: «Получишь диплом – столько мест диковинных со мной посмотришь в нашей стране. То на одну границу с тобой поедем, то на другую». Родители, бедные, конечно, шокированы. Упирают теперь на французский. Мол, кому он там нужен? Там китайский надо учить, или польский, или японский. А я считаю, что жизнь длинная – все может быть. И потом, почему на все обязательно надо смотреть с практической точки зрения? Неужели там нет таких людей, как я, – способных влюбиться в мелодику языка, в песни, в звучание, а не в его практическое применение? Уверена, что такие найдутся. А если нет, так я и китайский выучу, и польский. Да любой. Я способная. А не получится (хотя вряд ли), буду сидеть дома и рожать детишек. Это, кстати, тоже Леша сказал перед отъездом: «Вернись, малыш, и поженимся. И родишь мне мальчика и девочку». Вот и сижу я вроде бы над глаголами, а глаза все равно смотрят в географический атлас. А в атласе я отчего-то не только остров вижу, но и моего Лешку на нем, и еще два младенческих личика.

И это я! Кто бы мог подумать?! Я бы первая высмеяла того, кто еще в прошлом мае сказал бы, что я соберусь замуж и забуду об учебе.

Хотя, собственно, почему забуду? Забывать, конечно, не надо. Стоит все-таки сделать усилие и вернуться к глаголам. Завкафедрой обещал отличникам хорошую практику и намекнул, что я первая в списке кандидатов на место в реальной школе. Ужасно хочется туда попасть, хотя страшновато. Могут ведь и к старшеклассникам послать, а они мне почти ровесники. Раньше я бы, наверное, не так боялась, всех бы переехала на своей любви к французскому, а теперь у меня другая любовь. Я ранима и уязвима. И это меня может теперь переехать кто угодно. Ладно, если что, попрошу Лешку явиться в школу в форме пограничника и показать особо задиристым, где раки зимуют. Он ведь обещал в апреле вернуться, а до апреля я как-нибудь продержусь на всех фронтах.

Хотя почему, собственно, я? Мы! Нас ведь теперь двое. Ты еще не понял, дневник? Я жду ребенка.

8

Двадцать три пары глаз смотрели на нее напряженно и выжидающе. Маргарита Семеновна волновалась. Волнение не было странным или непонятным. Наоборот, за долгие годы работы оно стало привычным. Ей всегда нравились слова о том, что переставший волноваться перед выходом на сцену артист уже не артист. А что есть школьная кафедра, если не сцена? И кто такой хороший учитель, если не умелый актер, способный и словом, и делом держать интерес в зале? А для того чтобы быть успешным актером, необходимо много репетировать. И Маргарита никогда не позволяла себе пропускать прогоны. Всегда делала все от нее зависящее, чтобы не входить в класс неподготовленной. И все равно волновалась перед каждой очередной встречей с новым зрителем. А сегодня случился неожиданный ввод в спектакль. Ввод без знания текста, ввод без единой репетиции. Но надо было играть, играть, чтобы публика не разбежалась и не потребовала возврата денег за билеты.

Педагог знала по опыту: бывают исключения из правил, когда первый блин, тот, что комом, можно перепечь и наладить не слишком хорошие отношения учеников и учителя, но, как правило, дальнейший ход событий во многом определяет премьера. Важно понять, почувствовать настроение зала: готов ли он тебя принять тут же или ему нужно время? Надо ли держать дистанцию или можно сразу идти на сближение? Спектакль делает не только актер, ему во

многим способствует публика. А она переменчива. У нее тоже есть настроение, в зависимости от которого она может либо рукоплескать тебе, либо освистать, либо остаться равнодушной.

Равнодушия Маргарита Семеновна страшилась больше всего. А оно в данной ситуации было очень и очень возможно. Всего два года до выпуска, и большинство ребят могли решить, что Черновицкая – это просто течение, по которому они будут два года плыть как придется. В сущности, им не плыть надо, а доплывать. Они уже одной ногой в другой жизни, и та, что должна остаться в прошлом, может им казаться незначительной. А незначительной Маргарита быть не умела. Она умела работать, а не дорабатывать. Она не любила чужую работу, хотела делать свою. И сейчас она должна была сделать так, чтобы эти внимательно рассматривающие ее глаза поняли: она не вместо и не понарошку. Она – это она. Так же как они, дети, – это они. И с этого дня они вместе. А вместе может быть очень по-разному. Может быть плохо, может быть хорошо, а может и просто никак. И сейчас Маргарита должна была сказать именно такие слова, чтобы ученики раз и навсегда усвоили: «никак» с ней никогда не получится.

– Сейчас мы посмотрим небольшой фильм, предусмотренный темой урока, – произнесла она ровным, спокойным голосом.

В этом году Министерство образования потребовало поговорить с учениками о битве при Бородино. Все-таки двести лет – дата серьезная, и пойдешь объясни, что потеря классного руководителя (очевидно, любимого) – трагедия для ребят несоразмерно бо́льшая, чем какая-то там война с Наполеоном. Но приказ есть приказ. Велели – выполняй. Ладно, пусть посмотрят, а она пока подумает, о чем с ними говорить после. Явно не о Кутузове и не о генерале Тучкове.

Учитель опустила жалюзи, включила проектор. Хорошо, что не попала впросак. А могла бы. В ее кабинете этого чуда техники нет и, скорее всего, не будет. Кабинет французского маленький. Так, кабинетик. Проектор вешать некуда, языковые группы маленькие, с ними можно и без изысков обойтись. А вот разместить целый класс в пространстве небольшой комнатухи – дело трудное. Стоя еще поместятся, сидя – никак. Вряд ли дети придут в бешеный восторг от смены классного кабинета. Хорошо, хоть первого сентября не заставили тесниться, вошли в положение, но дальше придется им привыкать к тому, что утверждение: «В тесноте – не в обиде» – должно превратиться в своеобразный лозунг их класса.

Маргарите же в своем кабинете всегда было комфортнее, чем в больших помещениях. Атмосфера там царил уютная, скорее домашняя, чем рабочая: по стенам этюды с видами Парижа и таблицы неправильных глаголов, но не четкие и ровные, а яркие и довольно бесформенные – такие, какими их сделали шестиклассники. На подоконнике в ряд выстроились фотографии: Азнавур, Пиаф, Адамо, Матье, Габен, Жирардо, де Голль, Миттеран и еще много известных французов, своеобразный семейный архив. В шкафах, конечно же, книги. Но несколько полок выбиваются из общего строгого стиля стоящих по струнке учебников и словарей. На одной расположились многочисленные сувениры: малюсенькие макеты достопримечательностей Франции, муляж сыра и круассанов, небрежно открытый, будто кем-то забытый номер «Пари Матч» двухлетней давности и пара бутылок (конечно, пустых, боже упаси от всяких проверок и инспекций). Вторую полку занимал чайный сервиз на двенадцать персон (подарок родителей предыдущего класса) – чашки из тончайшего фарфора с замысловатой росписью, блюдца с золотой каймой – лепота. Многие коллеги недоумевали, почему Маргарита не отнесет «такую красоту» домой.

– А кто ее там увидит? – и она ставила на стол фарфоровые чашки, когда поила чаем своих учеников.

Школьный психолог нередко вступал с Маргаритой в нескончаемый спор о правильном оформлении кабинета.

– Обстановка должна быть рабочей, а вы, Маргарита Семеновна, сбиваете детей с толку своими штучками. Они сюда язык приходят учить, или чай гонять, или, возможно, рассматривать семейный фотоальбом?

– Все сразу, – отвечала Маргарита.

– Школа должна создавать обстановку, отличную от домашней.

– Не вижу ничего плохого в домашнем обучении.

На этом разговор иссякал. Каждый оставался при своем мнении, и ничто не могло убедить Маргариту в том, что большие кабинеты с парой не снимающихся со стен портретов писателей или ученых, непременно алоэ на шкафу и грудой учебников даже на подоконниках влияют на учеников лучше, чем ее «милая комната». Даже аккуратный, тщательно продуманный интерьер Ликиного

кабинета (герань вместо алоэ, картины, изображающие сцены из знаменитых произведений, и несколько стендов с надписями: «Наши достижения», «Экскурсии нашего класса» и «Именинники месяца») не мог заменить Маргарите уютную атмосферу ее собственной «обители».

Между тем на опущенном над доской экране появились первые кадры фильма, и вместе с ними класс отпустило напряжение. Кто-то сразу начал смотреть кино, кто-то что-то шептал соседу, кто-то полез в сумку в поисках очков. Маргарита тоже надела свои, но на экран смотреть не стала. Она изучала детей. На самом деле положение не было таким ужасным, как могло показаться. Все-таки семерых учеников десятого «Б» учитель прекрасно знала. Это были ее родные ребята: та группа, которую она воспитывала с пятого класса. И сейчас она смотрела прежде всего на них, надеясь (и заслуженно) на их помощь и поддержку.

«Никита Воронов. Хороший парень. Честный, открытый, порядочный. Для успешной жизни этого, к сожалению, маловато, а для хороших отношений с учителем больше чем достаточно. Такого всегда будешь ценить больше, чем отличника, который дружит с хамством, злобой и лицемерием.

Такой у нас Володя Крылов. И спортсмен, и красавец, и первый претендент на золотую медаль. Чемпион, в общем. И по учительской неприязни тоже чемпион. Уж слишком ясные глазки, слишком елейный голосок и слишком точное знание: что и от кого он хочет получить. Уверена, если это будет в его интересах, он подставит ножку лучшему другу и не дрогнет. А лучший друг у Крылова – Саша Исмамов. Почему-то лидеры (не настоящие, а те, что с гнильцой) частенько выбирают себе в товарищи таких вот невзрачных и незаметных ребят, чтобы на их фоне казаться еще ярче и лучше. Что ж, Крылову затея удалась. Его в классе боготворили, а Исмамова считали неотъемлемым приложением, на которое не стоит и внимания обращать. А зря. Саша, в отличие от своего дружка, настоящий. Да, звезд с неба не хватает. Но он добрый, спокойный, надежный. Любое дело можно поручить – не пожалеешь. Сделает вовремя и отменно и рисоваться при этом не станет, как Володя, и поощрений не будет требовать. С французским, как и с остальными науками, у него большие проблемы, но где бы мы были с нашей презентацией по Парижу, если бы не умение Исмамова пользоваться компьютером. В таких вещах, как публичные мероприятия, он незаменим. Кажется, Лика тоже это отмечала и так же, как я на французском, закрывала глаза на его напряженные отношения с родным языком.

Так, теперь девочки. Вот Анжелика Бельченко. Хорошенькая до невозможности. Им, конечно, можно всем позавидовать: красивые, молодые, сильные. Но позавидовать как-то спокойно, вспомнить о том, что сама когда-то была такой. Хотя такой, как Анжелика, я никогда не была. Нет, конечно, я была вполне симпатичной и обаятельной, и кто-то наверняка считал меня красивой, но так, чтобы шеи сворачивали и останавливались, провожая восхищенным взглядом, и присвистывали – такого не случилось. А хотелось бы попробовать испытать всеобщее обожание, узнать, как с этим живет и что на самом деле скрывается за напускным равнодушием Анжелики к собственной яркой внешности: действительное непонимание своей красоты и власти или желание от всего этого откреститься. Ведь сколько раз я ждала дискотек и торжественных мероприятий, думая о том, что девочка наденет платье, каблуки, распустит волосы, нарисует глаза – в общем, воспользуется природными данными на полную катушку, чтобы привлечь к себе еще больше внимания. Но нет. Каждый раз одно и то же: джинсы, футболка, кеды, конский хвост. Но все равно ни фигуру, ни лицо не спрячешь. Мальчишки (кто явно, кто тайно) повержены. А ей хоть бы хны».

Маргарита Семеновна еще раз внимательно взглянула на девочку, что-то сосредоточенно изучающую в тетради. Брови Анжелики были при этом слегка нахмурены, а губы немного надуты, и в своей серьезности она казалась особенно прекрасной. Маргарита перехватила взгляд Володи Крылова, смотревшего на Анжелику с каким-то злобным, яростным интересом. И непонятно было, относилась эта ярость к девушке, не обращающей на Володю никакого внимания, или к самому Крылову, неспособному справиться с безответными (и это по отношению к нему, за которым любая – только свистни...) чувствами. Учитель позволила себе усмехнуться и спросила себя: «А не потому ли ты, Рита, так влюблена в Анжелику, что она смотрит на Крылова как на пустое место?»

«Анюта Селиванова. Ну, это открытая книга. Для общественной жизни прекрасное качество, для личной, конечно, сомнительное. Но этот недостаток, к сожалению, успешно лечат жестокость и лживость окружающих. А пока я могу рассчитывать на ее искренность. Этот человек не подведет и не станет пускать пыль в глаза, всегда скажет все как есть, юлить не будет. Прикрывать виновных не станет, но и ябедничать не побежит. В общем, в не столь отдаленном прошлом девушка была бы великолепным комсоргом. Справедливая, требовательная не только к другим, но и к себе, при этом отнюдь не крикливая, а достаточно мягкая и добрая, хотя умеющая при необходимости настоять на своем и остаться достаточно твердой. При этом, в отличие от многих общественных активистов советских времен, Селиванова не выглядит синим

чулком, забывшим о собственной женственности и не следящим за модой. Она одевается стильно, ярко, но не броско, меняет стрижки и цвет волос, умеет аккуратно подкрасить глаза. В общем, Анюта и девушка симпатичная, и человек правильный.

Даша Хомич. Вот яркая противоположность Селивановой. Не по внешности, конечно. Внешне они чем-то даже похожи. Обе высокие, стройные, даже худощавые. Стрижки в одном стиле – асимметричный каскад, и цвет волос примерно одинаковый. И у Даши, и у Ани серые глаза и красивые, правильной формы губы. Только у Селивановой нос прямой, аккуратный, а у Даши немного широковат, и его кончик приподнят вверх, как у лисички. Что ж, это своего рода закономерность. Хитрости Хомич не занимать. Это тот человек, который умеет тщательно скрывать и свои истинные чувства, и эмоции, и тем более мысли. Никогда не знаешь, о чем Даша думает на самом деле. Она всегда одинакова: голос ровный, взгляд ускользающий. В классе она большой популярностью не пользуется. Не потому, что чем-то отталкивает, а из-за того, что неинтересна в своей закрытости. Но изгоем ее не назовешь. Видно, что Дашу устраивает такое положение вещей. Складывается ощущение, что отношение класса к ней именно такое, какое она сама выстроила, и не случайно, а намеренно, тщательно выверяя каждый следующий шаг. И теперь Хомич с наслаждением пользуется результатами этого строительства, будто говорит окружающим: «Вы меня не трогаете, я вас не трону, договорились?» И все с этой установкой согласны, словно догадываются, что с этой темной лошадкой лучше не связываться. Впрочем, у меня к ней претензий нет. По французскому твердая четверка, задания всегда выполняет, урок слушает внимательно. Давно уже, Рита, пора смириться с тем, что не все ученики будут тебя слепо обожать и ловить каждое твое слово. Хомич еще вполне сносное создание.

А вот Юля Дерзун – это, конечно, орешек, который по зубам не каждому учителю. Лица, как литератор, всегда подтрунивала над этой говорящей фамилией. Юля редкое по дерзости существо. Нет в ней ни капли пиетета, ни крохи жалости, ни толики уважения. Для того чтобы заставить Юлю услышать учителя, надо перебрать целую гору ключей, чтобы хотя бы один подошел к ее сердцу. Большинство педагогического коллектива до сих пор безуспешно бьется над этой задачей и с тревогой заходит в класс к десятому «Б», робея перед встречей с «этой хамкой». Ликина смерть для Юли особый удар. Классный руководитель всегда была на ее стороне: никогда не ругала и не взывала к совести, всегда разговаривала спокойно и старалась понять. А ведь было что понимать. Сложными не бывают просто так, всегда отчего-то. У Юли этих «отчего» было предостаточно. Мама родила ее в семнадцать лет, мужа не было

и нет до сих пор, так что эта еще совсем молодая женщина по-прежнему больше озабочена устройством своей личной жизни, а не воспитанием уже достаточно взрослой дочери. До девочки практически никому нет дела, и плохое поведение – отличный способ привлечь к себе внимание. Года три назад Юля на всех уроках занималась одним и тем же – рисовала в тетрадях кровавые сцены из любимых ужасиков. Педагоги возмущались тягой девочки к жестокости, а Лика видела в этом талант (рисунки были действительно хороши) и человеческое одиночество. Она хвалила Дерзун и с удовольствием рассматривала ее картинки. А потом спрашивала будто невзначай: «А зайца можешь нарисовать? А лошадь? А меня? Нарисуй, а?» И Юля рисовала, и рисовала так хорошо, что в конце концов доросла до росписи декораций к школьному спектаклю. Учителя качали головами и поражались: «Ну надо же!» А Лика упрямо твердила: «Ничего удивительного». Классный руководитель нашла ключ и была готова поделиться им со всеми желающими, но желающих оказалось немного: физрук, биолог и Маргарита. Учитель физкультуры попросил девочку расписать стены спортзала, и она сделала это великолепно: искусно написанные футбольные бутсы, гимнастические ленты и булавы, волейбольные мячи и скейтборды поднимали настроение всем, проходящим в зал. Биолог попросил украсить кабинет изображениями разных растений и животных, и в процессе работы Юля так увлеклась, что обнаружила в себе внезапный жгучий интерес к биологии. Теперь она серьезно интересовалась лекарственными растениями, знала назубок все правила их хранения и применения и даже работала в ботаническом саду МГУ, чем вызвала в учительском коллективе новую волну скепсиса и недоверия. Но поверить пришлось: по биологии и химии в Юлином дневнике теперь стояли одни пятерки, и на общешкольных презентациях по этим предметам всегда блистала только она. Ну а мой кабинет уже несколько лет украшают ее эскизы Эйфелевой башни, Лувра, Нотр-Дама и отдельных воображаемых пейзажей французского Прованса. Поэтому и к прошлогодней поездке в Париж девушка готовилась с особым энтузиазмом. Все упрашивала:

– Маргарита Семеновна, пожалуйста, можно я возьму с собой мольберт? Ну вдруг выпадет возможность хоть что-то написать с натуры?

И я разрешила. И даже потом на свой страх и риск отпустила ее на бульвар Капуцинок, и она принесла вполне достойную работу в духе импрессионистов. Не Моне, конечно, но все равно здорово. Так здорово, что даже никто из ребят не рискнул возмутиться, почему это они всем скопом на прогулку по Сене, а Дерзун в гордом одиночестве и без всякого присмотра по бульварам. Поняли: Юле присмотр не нужен, она будет делом заниматься, а не влипать в истории.

Конечно, все эти ребята, кроме Селивановой, совсем не просты. У каждого, как говорится, свои тараканы. Общение бывает и сложным, и напряженным, но за годы работы их тараканы стали для меня родными. Я уже научилась их незаметно травить и изгонять без ущерба как для собственной психики, так и для достоинства учеников. Я уверена, что могу рассчитывать на поддержку и хорошее отношение со стороны своих семерых «французов». А что мне делать с остальными? Шестнадцать лет – проблемный возраст. Захотят – примут, нет – заклюют».

Маргарита была очень опытным педагогом. Она не то чтобы боялась трудностей, она их опасалась. Будучи предусмотрительной от природы, она привыкла строить планы заранее, а потому предпочитала априори предугадать возможные проблемы и справиться с ними на берегу, прежде чем отправиться в далекое плавание. А не сделаешь этого – жди кораблекрушения.

В классе зазвучала мелодия романса из фильма «О бедном гусаре замолвите слово», тоненький голосок жалобно стонал: «О, молодые генералы...» – на экране снова замелькали титры, и внимание учеников опять переключилось на учителя. Пора было взять бразды правления в свои руки. Маргарита спустилась с кафедры (разговор по душам бывает только разговором на равных, а если один из собеседников возвышается над другим, ничего хорошего не получится). Учительница хотела приблизиться к своему классу (что бы она ни думала, как бы ни сомневалась, по велению ли судьбы, по приказу ли руководства, но эти дети теперь были ее классом). Маргарита знала: чем быстрее она сама себя приучит к этой мысли, тем быстрее ею проникнутся и ученики, и тогда обоюдная адаптация не затянется.

– Фильм интересный, и романс замечательный, – сказала она безапелляционно, хотя прекрасно отдавала себе отчет в том, что пока ее мнение ничего для них не значит. Авторитет – штука сложная. Подчас на его завоевание требуется больше времени и сил, чем на победу над Наполеоном. Но ничего. Пускай привыкают: Маргарита Семеновна довольно категорична и уверена в том, что на свете существуют бесспорные истины. Что ж, шаг вперед сделан. Теперь необходимо чуть ослабить вожжи и отступить, чтобы не вызвать неприязни и мгновенного отторжения, и она продолжила: – Но вам пока судить сложно. Для того чтобы иметь мнение, надо владеть ситуацией, видеть не просто картинку, а 3D-изображение. – На лицах многих ребят мелькнула тень улыбки – оценили продвинутость педагога. Ну и прекрасно: пусть знают, что им досталась редкая жемчужина, а не старая кошелка. – Посмотрев пятнадцатиминутное кино и

прочитав Лермонтова... Кстати, «Бородино» вы когда проходили?

- В третьем классе. - Услужливая Селиванова.

- Значит, две трети стихотворения уже благополучно забыли, так что тем более судить непредвзято не можете. Я вовсе не утверждаю, что телевизионный пафос, рассказывающий о войне двенадцатого года, плох или, например, необъективен. Я просто говорю о том, что вы сами должны разобраться, каков он для вас и что означает для каждого эта важная дата. Она должна иметь значение, но его никак не оценить за пятнадцать минут просмотра или покопавшись в памяти и вытащив из ее недр «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» - Речь затянулась и грозила превратиться в нравоучение. Этого Маргарита как раз собиралась избежать, а потому перешла к заключению: - В общем, лучший способ составить свое мнение - это, на мой взгляд, полное погружение в ситуацию, воссоздание атмосферы. Так что в музейный день, а он не за горами (через пару недель), едем на место событий под Можайск. - Впереди были главные слова, и Маргарита собрала всю волю в кулак для того, чтобы они прозвучали естественно: - Я уверена, что такая поездка прошла бы прекрасно, проводи ее Анжелика Карловна. - Имя-отчество Лики далось нелегко и, конечно, вызвало неотвратимую реакцию у публики: у одних - тихую грусть, у более впечатлительных - слезы в глазах, у самых ранимых - защитную улыбку. Все ясно - легко не будет. По Лике горевали искренне. С ней будут сравнивать, и держать равнение будет непросто. - Все-таки человек со специальным образованием и ее способностями к прекрасному изложению материала непременно сделал бы поездку очень увлекательной. Я не стану претендовать на ее место и не буду играть никаких ролей. - «А чем же, интересно, ты сейчас занимаешься?» - Хотя вру. Одну роль я все-таки сыграю. Как учитель французского, считаю себя вправе выбрать позицию противника и выступить перед вами от его имени. Никто не возражает? - Молчание. Но не тяжелое, а одобрительное. Уже хорошо. Забросив пробный камушек, Маргарита перешла в наступление: - Работа мне предстоит серьезная, так что и от вас я потребую содействия. Отлынивать никому не позволю. Кто бежит с войны - тот дезертир, а дезертирам во все времена позор и презрение. И не только от власти - «то есть от меня», - но и от соплеменников. - «Кто хочет организовать собственную войну с классом, может отказаться от моей затеи, но, насколько я знаю, среди ребят таких нет. Дерзун, конечно, на общественное мнение давно плевать, но она меня обижать не станет, а остальные, кажется, более зависимы от коллектива». - Поскольку я на французской стороне, вы обязаны (кто-то же должен) защитить интересы русской армии. Роли распределим через неделю. Я с удовольствием удовлетворю ваши пожелания, но у кого нет предпочтений, тому я должна

помочь. А для того чтобы представить каждого в какой-то роли, мне нужно хоть немного времени.

– Вы считаете, недели достаточно? – Правый ряд, последняя парта. Голос ироничный, взгляд нахальный. Но вопрос-то не в бровь, а в глаз. Это – Маргарита напрягла память – Арефьев... Арефьев Никита. Да, точно, Никита. У учителя, работающего в школе долгие годы, на слуху имена даже незнакомых ему лично детей. Как ученики складывают байки про педагогов, так и учителя делятся своими впечатлениями об учениках. А уж об Арефьеве кто только не делился. И хулиган он, и дерзит, и учится через пень-колоду, и странностей выше крыши, и вообще выгнать бы его из школы и дышать полной грудью. Одна только Лика говорила: «Мальчик сложный, но голова умная. Умная настолько, что позволяет себе работать только над тем, что ей интересно». Интересна ли этой голове война с Наполеоном? Возможно, пока не очень. Но (Маргарита ответила Арефьеву энергичным кивком и одобрительным взглядом) не на ту напал:

– Никита прав. Иногда и всей жизни не хватит, чтобы разобраться в человеке. Я просто попробую, а не получится, так вы мне подскажите. Для того чтобы заявить мне: «Хочу играть того или иного человека», – вы должны ознакомиться с его личностью хотя бы приблизительно. Согласен?

– Согласен, – кивнул Никита.

«Еще бы ты с этим спорил, дружок».

– Для такого ознакомления недели достаточно?

– Допустим.

– Значит, и я смогу составить некое представление о вас. Конечно, мне сложнее, вы будете выбирать кого-то одного, а я изучать шестнадцать человек, но я пойду по простому пути. Я уже знаю исторических персонажей и попробую предположить, кто кому больше подойдет.

– А у нас нет слепых, – выпендрился Крылов, чем вызвал одобрительные смешки. – Некому играть Кутузова.

Учительница позволила себе улыбнуться, показывая, что оценила шутку. Но надо было отреагировать, что она и сделала незамедлительно.

– Сейчас будут, – пообещала Маргарита Крылову. – Теперь веселый смех звучал с одобрением в ее адрес. Улыбался даже Арефьев, и педагог похвалила себя за находчивость. Все-таки что ни говори, а беседа на равных всегда хороша. – В общем, войну предлагаю отложить до следующего классного часа, а пока давайте решать мировые проблемы. Их у нас предостаточно.

За дежурной процедурой знакомства, за разговорами о необходимости ношения сменки, дневников, соблюдения правил дорожного движения прошли следующие десять минут. Причем Маргарита извинилась заранее за то, что вынуждена повторять всю эту галиматью (так и сказала) взрослым людям, но уточнила, что иногда их забывчивость заставляет сомневаться в их взрослости. А посему: «Уж извините, но все же послушайте».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Свободные от детей (англ.).

2

Говорит по-французски (фр.).

3

Я очень счастлива, мой дорогой друг (фр.).

Купить: https://tellnovel.me/ru/rayt_larisa/kogda-osypaetsya-yablonev-cvet

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)